

Лев Пучков
Дело чести
Серия «Кровник», книга 3

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=133314
Дело чести: Эксмо-Пресс, Эксмо-Маркет; М.: 2000
ISBN 5-04-004263-9*

Аннотация

Антон Иванов, бывший офицер спецназа, потеряв на чеченской войне жену и друзей, не намерен прощать убийц. Месть становится для него делом чести. Теперь он – Сыч, легендарный командир отчаянных головорезов. За два миллиона баксов он берется уничтожить группировку непримиримого полевого командира. `Заказ` оплачивает местный клан, желающий устранить конкурента. Но Сыч – кровник всех чеченских боевиков, и для него нет разницы между заказчиком и жертвой.

Содержание

Часть I	4
Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	40
Глава 5	52
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Лев Пучков

Дело чести

Часть I

По ту сторону террора

Глава 1

Нехорошо расположен поселок Челуши. Высокий скалистый берег Терека исключает возможность скрытного подхода и внезапного нападения со стороны реки – чтобы забраться отсюда, нужно иметь первоклассное альпинистское снаряжение и мастерство «снежного барса». С трех других сторон поселок окружают пологие каменистые скаты древнего холма, на вершине которого в незапамятные времена кто-то из первых Бекмурзаевых заложил каменную хижину.

Длина этих скатов от вершины до того места, где спуск плавно переходит в зеленую равнину, составляет от полутора до двух километров, они прекрасно просматриваются насем своем протяжении и, несмотря на пологость, недоступны для транспорта из-за многочисленных складок и гигантских карманов, образовавшихся еще в те времена, когда повсюду на земле кипела вулканическая масса. Транспорт может подняться сюда по единственной дороге, которая денно и ночью охраняется усиленным «нарядом» аксакалов, что режутся в нарды в чайхане у самого въезда в село. А в пешем порядке – откуда ни заходи – тебя увидят в самом начале восхождения. Увидят, сделают выводы и доложат кому надо....

– Чует мой попендер – будет тут облом нам... Будет нам облом тут – это сто пудов! – словно прочитав мои мысли, пробормотал речитативом Джо, откладывая бинокль и переваливаясь на спину.

– Рано хоронишь, Санек, – с наигранным оптимизмом ответил я и, посмотрев на часы, добавил: – У нас еще целых три часа с хвостиком. Так что...

Немного помолчав, вредный Джо вновь начал меня донимать:

– Ну и что – три часа? Пролетят – глазом не моргнешь... Я ж сразу сказал – пошли к трассе! Вон – уже пять тачек выехали с утра. Давно бы уже притормозили кого надо. Может, поползем, пока не поздно?

Ласково улыбнувшись боевому брату, я показал ему кукиш:

– Верь мне, Джо... Бери бинокль и наблюдай себе помаленьку, а я пока подремлю, – и нахлобучил панаму на глаза, давая понять, что полемизировать не расположен.

Обиженно крикнув, Джо заерзал на подстилке, поудобнее устраиваясь для наблюдения. Еще утром, когда мы оборудовали лежки на этом непроездном перевале, мой напарник предложил сразу пробираться в долину и соорудить засаду возле трассы. Предложение на первый взгляд было заманчивое, и я чуть было не клюнул. Однако, поразмыслив и проанализировав информацию, полученную от Шведова, решил действовать по своему плану, страшно огорчив Джо. А поскольку мы находились на вражьей территории и работали в экстремальном режиме, оспаривать командирскую точку зрения – пусть и не совсем правильную, на его взгляд, – мой своенравный боевой брат не решился и затаил глубокую скорбь по поводу внезапной кончины моего стратегического таланта.

– Ладно, коллега, не переживай, – выдал я после продолжительной паузы. – Все будет тип-топ: ежели в течение полутора часов никто сюда не попрется, поползем к трассе... Доволен?

Многозначительно хмыкнув, Джо примирительно буркнул: «Ну вот, сразу бы так...» – и моментально обрел нормальное расположение духа: принялся фальшиво насвистывать что-то не очень приятное для слуха.

Банда Рашида Бекмурзаева, за базой которого мы с Джо наблюдали вот уже полдня, являла собой уникальный образчик преемственности родоплеменных традиций, корнями уходящих в дремучую глубь веков и в почти неизменном виде сохранившихся по сей день. Прапрапра и так далее деды Рашида грабили караваны купцов, везущих товары из Турции в Россию по контрабандным тропкам (видимо, уже тогда имели место проблемы с таможенной пошлиной!), угоняли стада у соседей казаков, обосновавшихся за древним перевалом, и вообще беспредельничали как душа пожелает, благо не было на них управы ни с той, ни с другой стороны. Все последующие поколения Бекмурзаевых с завидным постоянством оттачивали и совершенствовали доставшееся в наследство от предков ремесло, и в результате в наше цивилизованное время (напомню – на дворе август 1997 года!) мы имеем банду, специализирующуюся на тотальном разбое, база которой зарегистрирована во всех административных документах республиканского масштаба, нанесена на карту и наречена поселком Челуши. Как вам это нравится? В принципе данное образование даже бандой называть язык не поворачивается: просто обычный поселок, в котором каждый житель занят своим делом. Молодые и сильные мужчины занимаются непосредственно разбоем и грабежом, женщины ударно рожают им новую смену, смена эта потихоньку растет, впитывая нравы и обычаи среды обитания, а престарелые аксакалы, которые уже не в состоянии прятаться в кустах и держать в руках тяжелые пулеметы, учат уму-разуму всех остальных – прививают передовую методику фундаментального бандитизма... Вся эта система цементируется родоплеменным укладом, законом шариата и усугубляется весьма удобным расположением Челушей.

Если спуститься с перевала, где мы с Джо сейчас валяем дурака, и пройти с километр на север, окажешься на русской территории – на исконных землях Терского казачества. Полтора километра на северо-запад – попадешь в гости к осетинам. А если не поленишься сесть на лихого скакуна (который будет предусмотрительно торчать внизу – через перевал ни одна лошадь не перелезет) и проскачешь по буеракам верст шесть, то попадешь к гостеприимным кабардосам – здесь в тебя гарантированно не будут стрелять без предупреждения, в отличие от других районов ЗОНЫ: сначала выяснят, что ты за фрукт...

Такое выгодное расположение позволяет Рашиду контролировать любое перемещение в своем районе и дает ему особые преимущества. Никто из тех, кто «работает» в ЗОНЕ, не хочет поспорить с кланом Бекмурзаевых – это чревато очень тяжелыми последствиями: запрет доступа в удобный для перемещения по ЗОНЕ район, тяжкая разборка с непредсказуемым финалом, отсутствие гарантий личной безопасности независимо от места нахождения и так далее и тому подобное...

Именно поэтому моего шефа заинтересовал клан Бекмурзаевых. Нам нужно самую малость: двое-трое взрослых мужчин из Челушей. Вот и лежим мы с Джо в верхней точке перевала, потя под жаркими лучами августовского солнца. Возможно, проще было бы аккуратно пробраться к трассе, что ведет из Челушей в долину, и захватить там первую попавшуюся машину из поселка, в которой находились бы интересующие нас объекты. Но!..

Потом нам пришлось бы выписывать солидный крюк по дороге, на которой стоят несколько постов республиканской милиции, и держать захваченных бандитов под прицелом, ежесекундно ожидая от них какой-нибудь пакости. А после, если все же повезет добраться в установленный район без всяких приключений, топать до Сарпинского ущелья,

затравленно озираясь по сторонам и до рези в глазах всматриваясь в детали окружающего ландшафта, которые в любую секунду могут усугубиться каким-нибудь нездоровым проблеском. В ЗОНЕ, знаете ли, частенько что-то поблескивает в «зеленке». Ну ладно, если это просто бинокль досужего наблюдателя, охотника за информацией. А если это снайперский прицел бойца какой-нибудь из банд, которых здесь пруд пруди? Именно по этой причине я не торопился соглашаться с Джо. Его план мы осуществить всегда успеем – а пока... Пока у меня имеется другая информация. И если она подтвердится до истечения обещанного мною Джо времени, работы нам будет совсем немного. Раз-два – взяли! Три-четыре – сняли! То бишь погрузили – и с комфортом поехали на возе с сеном к ущелью...

– А-ха! – возбужденно воскликнул Джо и завозился, пытаясь толкнуть меня ногой – думал, действительно сплю.

– Да не сплю я, Виталич, не сплю, – буднично зевнул я и скорее утвердительно, чем вопросительно, бросил: – Лезут?

– Двое, – подтвердил Джо, – прикинуты не по-боевому... Они что – на танцы собрались?

Нашарив биноклем окраину поселка, я обнаружил двух молодых мужиков, одетых в приличное гражданское платье, которые не спеша карабкались в нашу сторону. Оружия у них не было.

– Ах вы, красавцы мои! – обрадованно пробормотал я, вытаскивая из кустов свой автомат с ПББС и отряхивая его от пыли. – Погулять намылились... Ну-ну. Так – откатываемся назад – я беру, ты прикрываешь. – И мы с Джо резво сдали на обратный скат перевала.

– Слышь, Сыч, а если они быканут? – поинтересовался мой напарник, устроившись в кустах неподалеку. – Мочить?

– Если есть острое желание потренироваться в перетаскивании тяжестей – мочи, – флегматично ответил я. – А вообще – не должны вроде бы. Они только страшно удивятся...

Итак – информация Шведова подтвердилась. В принципе выбраться из республики можно вполне официальным способом. Сесть на машину, объехать скальный массив по дороге, что петляет в долине, пройти досмотр на четырех КПП, расположенных за демаркационной линией, и, если повезет не поругаться с сердитыми придиричвыми солдатами внутренних войск, прощайте суровые устои шарията и бдительный контроль аксакалов – все прелести российской цивилизации в твоём полном распоряжении – гуляй не хочу... Но горячим джигитам жаль тратить полдня на то, что можно сделать за час. Всего-то делов: перелез через перевал, прошел по разминированному еще в прошлом году лесу и вышел на автомагистраль бывшего союзного значения. А там проголосовал – и через полчаса ты в лучшем кабаке славного города Моздока. А если не жаль денег на такси, можешь отправляться далее – куда душа пожелает. Ребята Бекмурзаева частенько пользуются этим способом – и не только для прогулок. Вот на данном фактике и строился весь расчет...

Как только джигиты преодолели верхнюю точку перевала и выпали из зоны визуального контроля со стороны села, я выскочил из кустов и, направив на них автомат, скомандовал:

– Ложись! Руки на голову!

Реакция у боевиков оказалась что надо: слова команды еще не успели отзвучать, а они оба уже рухнули наземь. Правда, руки на головы возлагать не пожелали, паразиты, и вообще – упали как профессиональные стрелки на поле боя: каждый чисто интуитивно удобно сгорюнился за первый попавшийся валун, что в изобилии валялись вокруг.

– Ну-ну – вы это бросьте мне! – оценил я сноровку джигитов. – Чего изготовились-то? Оружия все равно у вас нет. А в кустах сидит мой напарник – в жопу вам целится... Так что – давайте руки на голову!

Зыркнув по сторонам, наши пленные констатировали наличие свирепой физиономии Джо, который выбрался из кустов (у него всегда свирепая физиономия – даже когда мороженое ест), и нехотя выполнили требование – водрузили крепкие ладони на свои курчавые шевелюры.

– Прически неуставные, чмошники, – неприязненно буркнул Джо, осторожно обыскивая джигитов. – Небось с самой войны не стриглись...

– Нэ понял, э! – возмутился один из задержанных, грузный парниша, весьма толстый для своего возраста – он был несколько старше второго и, по всей видимости, играл роль лидера в паре. – В пилен вызял – на здоровье! Оскорблять зачем, э? И так одэжда взэ пил набрал!

– Чуть позже поймешь, урод, – ответил Джо и сообщил мне: – Кроме бабок и гондонов – ничего.

– Цивилизованный народ, – похвалил я. – Предохраняются – хотя шариат запрещает...

– Руски свинья ибьем – патаму призир, да! – живоотреагировал толстый. – Кагда мусульманский женьщин спишь – бэз призир. Щарьят – все в парьядке.

– Молодцы! – вторично похвалил я и скомандовал: – Штаны снимайте.

– Как сказал, э? – удивился толстый, выворачивая голову в мою сторону. – Павтары!

– Трахать вас мы не собираемся, хлопцы, – терпеливо объяснил я. – Мы хотим спустить вас вниз, а наручников и веревок у нас нет. Штаны – это чтобы ваши руки были заняты. Хотя в принципе – если возражаете, есть другой способ.

Я подмигнул Джо – он быстренько приставил глушитель автомата к мясистой ляжке старшего пленника и уточнил:

– Обе прострелить или одну хватит?

– Нет, э! – резво воскликнул толстый и начал быстро расстегивать брючный ремень. – Штаны так штаны... – Второй не замедлил присоединиться к старшему. Спустя минуту мы неторопливо спускались по обратному скату перевала к раскинувшемуся внизу пограничному лесу, который и по сей день хранит множество страшных тайн и загадок военной поры¹. Пленники неуклюже трусили впереди, держа обеими руками спущенные до колен штаны.

Метрах в пяти от опушки – чтобы издали не бросалась в глаза – стояла одноконная повозка с сеном, которую Лось неофициально позаимствовал вчера вечером на одном из пограничных казачьих хуторов. Сам Лось лениво наблюдал за нашим передвижением, не удосужившись даже спуститься с телеги, а грустная каурая кобыла, учуяв посторонние запахи, вдруг начала пятиться, пытаясь выбраться из надоевшего хомута – будто предчувствуя, какая неблагоприятная роль отведена ей в этом темном деле.

Когда мы приблизились к телеге, Джо вернул пленникам ремни и дал понять, что можно застегнуть штаны.

– Полезайте на телегу, хлопцы, – пригласил я. – Прокатимся до Сарпинского ущелья. Давай поживее – чего застыли!

Как ни странно, этот жест доброй воли вызвал у бандитов весьма неспецифическую реакцию.

– Я нэ понял, э! – воскликнул толстый, заправившись и обретя свободу жестикуляции. – Ви кто, э? Зачэм нам на Сарпи ехать, э?

– Вы не ФСБ и не спецназ, – почти без акцента высказался второй – до сего момента он стоически молчал, и я уже начал было подумывать, что мы захватили немного. – Иначе потащили бы нас на русскую сторону. Если бы вообще хватило наглости заявиться на нашу территорию... Значит, вы работаете на себя – такие же, как и мы. Верно я говорю, Салим?

¹ Здесь и далее я имею в виду русско-чеченскую войну 1994—1996 гг.

– Ай маладэц, братицька, правильно! – одобрительно воскликнул толстый и будто бы чему-то обрадовался. – Ви хоть знаешь, кого взяли? Гидэ взяли?! Ой-е-е, рыбят, – лапухунулис, э! Клянус, э, лапухунулис!

– Вы думаете, за нас бабки получите? – язвительно поинтересовался младший бандит. – Вот вам, а не бабки! – он сложил мощный кукиш и потыкал им в сторону каждого из нас. – Такими пи...лями огребетесь – до конца жизни не расхлебаете! Вы че – не в курсе, кто такой Рашид Бекмурзаев?

– А ну, э! Бабки отдай, гандон отдай! – Толстый совсем обнаглел и двинулся к Джо, у которого от изумления отвисла челюсть. – Все отдай и дергай отсюда – чэрэс п'ять минут вас целый рота лавит будут!

– Во как! – удивился Лось, щелкая предохранителем своего автомата. – Значит, придется грузить?

– Похоже на то, – с сожалением ответил я.

Бац!!! Джо от души зарядил в репу толстому, неосмотрительно сократившему дистанцию безопасного удаления. Тот рухнул на четвереньки в траву и разразился замысловатыми ругательствами.

– А вот это зря, – осуждающе произнес младший бандит. – За это с вас щкур будут живием снимать. Салим – двоюродный брат Рашида, ты понял, э?!

В другое время и при других обстоятельствах меня бы изрядно потешила вся эта катавасия. Как преобразились наглые ребятишки, расчухав, что мы не собираемся депортировать их в Россию, а намерены использовать в качестве заложников или еще кого там на территории республики! Распустили хвосты как павлины – гонору вагон! Но время поджимало – надо было прибыть на место до истечения установленного срока. Да и работы впереди – море, некогда развлекаться...

– Значит, самостоятельно на телегу лезть не желаете? – в последний раз уточнил я, обращаясь к младшему пленнику.

– Свободен, мальчик! – проигнорировал он мой вопрос и, выразительно щелкнув пальцами, присовокупил: – Бабки гоните – и ходу отсюда! Через полчаса вас действительно будет искать целая рота: думаешь, Салим просто так сказал?!

– Значит, действительно придется грузить, – подытожил я и, сделав два шага в сторону, кивнул Лосю: – Давай...

Надо вам сказать, что в нашей команде Лось – самый меткий и хладнокровный стрелок. Прошу обратить внимание на последнее определение: хладнокровный в довольно специфическом понятии этого значения.

Пук! Пук! – Лось «дал» навскидку из автомата с ПББС – и тела бекмурзаевцев, пронзенные навылет в грудную клетку, рухнули в траву. В глазах младшего я успел прочесть огромное удивление. Что поделать, парень! Смерть вообще удивительное явление во всех ее мыслимых аспектах, особенно для того, кто по простоте душевной рассчитывает прожить больше, чем ему нарисовано на карте судьбы...

Погрузив трупы на телегу, мы отыскивали в траве деформированные оболочки от пуль, присыпали кровь землей – на всякий пожарный – и отправились в путь, огибая по опушке леса скальный массив... Я предвижу негодование многих читателей, возмущенных столь хладнокровным расстрелом пленных. Давайте, однако, отложим в сторону морально-этические аспекты данного деяния – по ходу повествования все встанет на свои места. А пока...

Пока вот что: до Сарпинского ущелья минут сорок езды по буеракам. Пакостей не предвидится никаких – накануне облазили здесь каждый кустик. Если не возражаете, я пока, чтобы не терять времени, посвящу вас в кое-какие детали, без знания коих некоторые фрагменты дальнейшего повествования могут показаться нагромождением отдельных описательных моментов, не имеющих под собой сюжетной основы...

Прежде всего – об особенностях региона, на территории которого происходят описываемые события. Если вы возьмете карту бывшего СССР, то увидите, что земли эти в общем-то занимают совсем незначительное место на бескрайних просторах благополучно развалившейся некоторое время назад «тюрьмы народов». Сибирь и Дальний Восток в десятки раз обширнее, и людишек там на столько же порядков поболее, и с ресурсами не в пример получше. Но именно эта территория, по которой мы с моими боевыми братьями в настоящий момент мирно везем два трупа, во все времена притягивала взоры разнообразного отребья: начиная от царственных персон и всемогущих теневых правителей различных эпох и заканчивая прожженными авантюристами как военного, так и политического профиля.

Во все времена здесь кто-то пытался кого-то завоевать и оттяпать хороший кусок земли – несть числа примерам из исторической практики. Во все времена здесь шла в разные концы контрабанда нескончаемым потоком, а собственно здесь и вокруг здесь – в обозримой видимости – плелись разнообразные заговоры, интриги, мерзкие сплетни вселенского масштаба, и так далее, и тому подобное. Можно было бы часами перечислять, какие здесь происходили гадости, используя в качестве справочного материала исключительно периодику, даже без ссылок на засекреченные архивы, но, дабы не съехать ненароком с проторенной тропы беллетристики в непролазные хляби геополитического анализа, давайте опустим все эти животрепещущие моменты и познакомимся с весьма симпатичным южным городом Стародубовском, а также с прилегающими к нему окрестностями.

Дело в том, что я и мои боевые братья живем в этом городе – гнездо у нас тут. И работаем, удобства ради, неподалеку. А потому – прошу любить и жаловать.

Город Стародубовск издревле имеет неофициальный статус форпоста на юге России. Это последний областной центр в данном регионе, который может претендовать на обиходное наименование «русский город». Далее идет Кавказ.

Нет-нет, Федерация в Стародубовске не заканчивается – не подумайте плохого! Все по-старому, передела не было. За Стародубовском имеется довольно обширная территория, на которой расположены разнообразные кавказские республики. Но независимо от статуса и сладкоречивых уверений политиков о тотальной интернациональной дружбе, эта территория для настоящего россиянина всегда была чужой.

Когда-то эти земли, ныне именуемые республиками Северного Кавказа, были так или иначе, но по сути насильственно присоединены к России – под давлением обстоятельств, политической ситуации и целого ряда иных факторов. Сразу же за присоединением, как водится, последовала попытка ассимилировать маленькие народы Кавказа к культуре, традициям и вообще к жизненному укладу России. Попытка эта, как известно из исторической практики, потерпела жесточайшее поражение. Потому что, стремясь удовлетворить свои политические амбиции, наши политики, невежественные в вопросах законов развития параллельных цивилизаций, на протяжении многих десятков лет целеустремленно валяли дурака, не придавая значения негативным процессам, с течением времени прогрессирующим вследствие грубейших нарушений основ взаимосуществования разных народов.

Горные камни не в состоянии расцвести по весне, будучи посажены осенью даже в самую благодатную почву равнины. Равнинные цветы, высаженные в скалах, моментально захиреют и увянут. И вовсе не потому, что им не нравятся эти скалы. Просто климат неподходящий.

Ничего не проходит бесследно – это общеизвестный факт. Царская Россия когда-то сорок семь лет воевала с народами Северного Кавказа, не особо вдаваясь в подробности существования иноплеменных образований и совершенно не заботясь о последствиях этой войны. Вряд ли кто из тогдашних властей предрежащих подозревал, что желание иметь под рукой благоприятные во всех отношениях (ну, разве что за исключением яростного сопротивления аборигенов) территории на юге стократно аукнется спустя полтора столетия. Но

ведь каждое действие рождает противодействие: это закон физики, тысячекратно подтвержденный и втиснутый в формулу – тут уж ничего не поделаешь.

Следствием присоединения кавказских народов к России и попытки ассимилировать их уклад к российскому образу жизни явилось весьма специфическое отношение кавказцев к россиянам. Русский мужик, будь он хоть трижды атлетом и мастером разнообразных единоборств, на улицах Назрани, Нальчика, Грозного и так далее меньше всего ощущает себя мужиком. Кавказские джигиты в совершенстве владеют искусством подавлять своей самостью любого жителя равнины и внушать ему, что он существо третьего разряда, ходячее недоразумение и вообще не имеет права носить штаны. Русская пригожая дама на этих же самых улицах должна крутить головой на триста шестьдесят градусов и постоянно помнить, что ее гарантированная законом безопасность в данном регионе понятие относительное. Ее могут мимоходом похлопать по упругому заду, залезть под юбку и вообще подскочить на машине, схватить в охапку и увезти безвозвратно куда-нибудь в горы. Джигиты – народ горячий. Правда, горячность эта на кавказских женщин не распространяется. Ингушка, чеченка, кабардинка и так далее чувствуют здесь себя прекрасно и уверены, что никто их не посмеет тронуть. Не верите – поезжайте сами и убедитесь.

Да что там кавказские республики! Уже в Стародубовской области, ближе к горам, можно проследить ширящуюся конфронтацию между равнинным жителем и горцем. Поезжайте в Доброводск и посмотрите, кто в этом «русском» городе работает в торговых точках, ресторанах, гостиницах, курортах, пансионатах и вообще в мало-мальски приличных местах. Посмотрите, кто рассекает на иномарках улицы курортных городов Кавказских Минеральных Вод, толпится на вокзалах и в переходах, «клеит» русских шалав, прибывших на заработки... Раскройте телефонные книги этих прекрасных городов, посмотрите объявления в газетах – по поводу срочного обмена на любой город российской глубинки, – и вам все станет понятно. Русаки бегут с Кавказа... Мы сдаем его без боя, постепенно освобождая когда-то захваченную территорию и шаг за шагом теряя сферу влияния.

На эту тему можно разглагольствовать часами, но я скажу короче. Кавказцы реагируют на все истинно российское так, как живой организм реагирует на инородное тело, внедренное в него. Он его отторгает, мобилизуя все внутренние резервы и проявляя чрезвычайно высокую защитную активность на всем протяжении процесса – вплоть до полного выведения инородного тела из организма.

В какой стадии наши взаимоотношения с Кавказом пребывают сейчас, однозначно определить весьма проблематично – полагаю, даже самый крутой политолог не взялся бы за столь неблагодарное занятие. Но мне почему-то кажется, что инородное тело уже вылезло в слой поверхностного эпителия, закапсулировалось в гнойном мешке, и вот-вот этот нарыв лопнет...

Вот потому-то Стародубовск – последний истинно российский город на юге. Далее идет чужая земля.

Эта обширная область по-прежнему декларативно именуется частью Федерации и числится в разряде законопослушных регионов (гы-гы!!!). А мы – то есть те, кто промышляет в этой области, – называем ее просто и скромно – ЗОНОЙ. Нет-нет, плагиат здесь ни при чем: ЗОНОЙ можно обозвать любую территорию, на которой творятся странные явления неспецифического характера, не подпадающие под общепринятые параметры. ЗОНА живет и питается по своим неписаным правилам. Здесь иные понятия о цене человеческой жизни и цене на разнообразный товар повышенного спроса. Здесь пропадают люди, машины и целые эшелоны – до сих пор ничего из того, что пропало, обнаружено не было. В этой ЗОНЕ законы, в общепринятом понятии этого слова, не действуют. Зато чрезвычайно активно действуют дикие и неуправляемые отряды и отрядики так называемых «индейцев» – банды, промышляющие разбоем, похищениями людей и иными разновидностями «ратного труда».

А еще в ЗОНЕ действуют разнообразные мелкопоместные князьки. Князькам этим Конституция дала в «кормление» – совершенно официально, прошу заметить – довольно приличные наделы земель, не очень густо населенных народом, но обладающих правами отдельных государств! А потому эти самые князьки, каждый на своем огороде, откровенно холят и лелеют свой маленький культ личности со всеми сопутствующими этому культу аксессуарами: беспредельным произволом, пытками, тюрьмами, расстрелами и так далее.

Наличие ЗОНЫ очень выгодно для некоторых товарищей из верхних эшелонов власти. Здесь можно сделать огромные деньги и спрятать концы в воду – проводить расследование на данной территории равносильно самоубийству. Если вас заинтересует этот вопрос, можете поднять подшивки газет за последние пять лет и вволю поудивляться некоторым странным явлениям, которые запросто можно отнести к разряду фантастических. Пошел эшелон, допустим, с электрооборудованием на двадцать-тридцать «арбузов» от какой-нибудь мощной российской фирмы в адрес какого-нибудь дочернего предприятия в ЗОНЕ и на перегоне между Серленной и Хунтермесом бесследно исчез. Испарился. Искать бесполезно – я же говорю, здесь какая-то аномалия! А все пропажи списываются на нестабильность региона и несовершенство нашей правовой системы.

Эти же товарищи – из верхнего эшелона, – пользуясь своей властью и положением, развлекаются с ЗОНОЙ и другими способами. Каждый законопослушный гражданин России прекрасно знает, что у нас процветает торговля всем подряд: оружием, наркотиками, боевой техникой, людьми, секретами и всем прочим, что в определенном месте имеет спрос гораздо больший, нежели там, где это «прочее» лежит себе не востребуемое и медленно гниет.

Об этой торговле постоянно вопят СМИ и ходят самые разнообразные сплетни. Но большинство законопослушных граждан имеют обо всех этих нехороших делах весьма расплывчатое понятие. Вроде бы где-то там, в верхних эшелонах, сидят злые дядьки и всю торговлю себе чем ни попадя, используя свою неограниченную власть. А как торгуют? Да черт его знает! Может, по воздуху переправляют или к днищу машины проволокой прикручивают.

Я уже определенный срок варюсь в этой системе, владею кое-какой информацией по данному вопросу и охотно поделюсь ею с вами, но очень коротко, у нас не так уж много времени.

Допустим, вы – злой дядька в столице, тот самый, в верхнем эшелоне, с огромными возможностями и неограниченными полномочиями, а я – простой главарь банды в далекой Ичкерии (ну, это я сейчас главарь банды, а в недалеком прошлом был полевым командиром «непримиримых»). В свое время я с соратниками-поделщиками наворовал у Советской Армии целый арсенал и теперь всю торговлю им и буду торговать очень долго, благо запасы практически неограниченны, а спрос на оружие будет всегда. Вот конкретные цифры годичной давности: автомат в Ичкерии стоит пол – «лимона» деревянными, а в Новосибирске – пять «лимонов». Разумеется, я вам по паре стволов под полкой возить не стану. Невыгодно это, да и небезопасно: могут вредные менты и взвэшники в поезде или на блокпостах напашмонать, а это, сами понимаете, чревато: не любят нашего брата-чеченца у вас в России.

Мы поступим иначе. Я продам посреднику вашего представителя, который понятия не имеет, кто вы такой, предположим... ну, тысячу стволов для ровного счета. И сразу получу наличкой полмиллиарда. Мне так удобнее – наличкой, поскольку обналичить ваши паршивые счета в нашей Ичкерии проблематично. Затем я вывезу эти стволы к границе зоны своего влияния: дальше кантуйтесь, как хотите, – ваши проблемы.

Получив эти стволы на российской земле, ваш представитель под всемогущей курией вашего грозного имени оформит их как груз с нулевым допуском, выпишет накладные по всей форме, приставит караул из части внутренних войск по сопровождению грузов... И попрут мои стволы зеленым ходом в Новосиб, нигде не задерживаясь и не подвергаясь

проверке. В Новосибе их получают представители представителей ваших посредников и без особых хлопот распирают по разным точкам – система отлаженная. В итоге вы поймете свои три с половиной «арбуза» (один «арбуз» – грубо – у вас уйдет на «производственные» издержки) и даже пальцем не пошевелите. Потому что на территории России ваш левый груз свято охраняется законом, представители которого понятия не имеют, что невольно становятся соучастниками криминального деяния (тот же самый караул, например, никогда не знает, что за груз он везет). А в районе функционирования моего отряда (исполкома, совета, администрации) с вашего груза не упадет ни одна пылинка потому, что здесь за все отвечаю я. Но! Но...

Между моим районом и собственно территорией России пролегает ЗОНА. А в ЗОНЕ каждый сверчок знает свой шесток – каждый пахан сидит на своей земле. На чужие земли я соваться не стану, а вашему грозному имени там грош цена. Если вы имеете острое желание получить свои стволы, остается единственное: на всем протяжении маршрута движения вашего груза до российской границы давать всем «князькам» и главарям банд на лапу. Так можно и без штанов остаться – получите вы совсем мизерный навар, который не стоит таких финансовых затрат и тревожений. А ведь есть еще и такие «индейцы», с которыми договориться нельзя: грохнут ваших посредников и заберут груз – вообще останетесь с носом...

Так вот: до недавнего времени для злых дядек из верхних эшелонов и контактирующих с их представителями авторитетов ЗОНЫ такой проблемы не существовало. В ЗОНЕ функционировал КОРИДОР, по которому переправлялись в оба конца разнообразные номинации ходового товара: оружие, наркотики, заложники для выкупа, женщины – сами понимаете, для чего, и так далее. КОРИДОР этот обеспечивала хорошо организованная и профессионально подготовленная группировка, заботливо возвращенная в Стародубовске злыми дядьками из верхних эшелонов и возглавляемая ушлым парнишей с выдающимися организаторскими способностями по прозвищу Лабаз (царствие небесное). Эта коридорная группировка вела разведку в ЗОНЕ, налаживала контакты с «князьками», имела кучу информаторов – охотников за секретами и проводила по КОРИДОРУ грузы любого характера. Очень удобно, знаете ли, было для злых дядек из верхов иметь такую группировку: благодаря ей КОРИДОР превратился в отлаженную, универсальную систему, приносившую огромную прибыль своим создателям.

Однако все в мире преходяще. Что-то около года назад мы уничтожили эту группировку, аннулировав КОРИДОР. А для комплекта мы аннулировали и некоторых злых дядек из верхнего эшелона, которые имели к КОРИДОРУ прямое касательство. Но дурной пример заразителен. На смену упраздненным товарищам в верхах пришли другие – свято место пусто не бывает. Эти другие, одухотворенные успехами своих предшественников, периодически предпринимают попытки реставрировать КОРИДОР: благо для этого существуют все предпосылки. В ЗОНЕ по-прежнему существуют как банды и «князьки», так и спрос на товар определенного свойства – можно делать просто громадные деньжищи, если с умом все организовать. Но есть маленькое «но». Определенные силы не хотят реставрации КОРИДОРА. Определенные силы хотят иметь не просто демаркационную линию на карте, а подлинную границу с ЗОНОЙ, через которую невозможно будет ничего переправить. Но это – перспектива, так сказать, радужные мечты. А пока мы целенаправленно мешаем плохим товарищам с самого верха восстанавливать КОРИДОР – за этим занятием вы нас и застали.

Да, кстати, вы можете спросить: кто это «мы». Отвечаю: мы – это команда Шведова. Небольшой, хорошо отлаженный боевой агрегат многофункционального применения, неоднократно опробованный в рискованных операциях и освоивший необъятные просторы ЗОНЫ. Чуть позже я вам всех представлю, а пока нам пора работать: приехали к Сарпинскому ущелью...

Сарпинское ущелье очень удобно для всякого отребья, промышляющего в ЗОНЕ. Это длинный и широкий проход в горной гряде, некогда проделанный вулканической лавой и благоустроенный умелыми руками многих поколений контрабандистов. Здесь при определенном навыке и сноровке можно исхитриться проехать даже на средней проходимости автомобиле, несмотря на кажущуюся неприступность и непроходимость: входы в ущелье с обеих сторон обильно заросли кустарником и прикрыты от назойливого взгляда нагромождением валунов.

В разное время различные товарищи пытались организовать контроль за ущельем, но попытки эти всякий раз заканчивались полным фиаско. Дело в том, что и с той, и с этой стороны к ущелью вплотную подходит лесной массив, состоящий из огромных раскидистых дубов и буков, что исключает возможность организовать не то что разведку на дальних подступах к блокпосту или заставе, но даже элементарные меры сохранения собственной безопасности. Проще говоря, здесь неоднократно вырезали блокпосты и заставы – под корень. Нападавшим бандитам было нетрудно нанести сокрушительный удар, подкравшись к заставе вплотную, и раствориться в лесу, где им знакома каждая тропка. Вооружившись печальным примером предшественников, представители правоохранительных органов прекратили бесплодные попытки взять под контроль ущелье и ограничились периодическими наездами, так называемыми рейдами в составе сборных бригад местных сил правопорядка. Но это было в незапамятные времена – еще до последней кавказской войны. А после войны сюда вообще никто соваться не смеет, кроме посвященных в тайны леса, напичканного минными заграждениями. Посвященные же, сами понимаете, – это бандиты, которые держат данное ущелье: все те же товарищи из клана Бекмурзаева. Ну и мы – мы тоже посвященные – волею случая...

У входа в горловину ущелья нас ожидали Барин, Сало и Мент. Я давно привык к кошачьим повадкам своих боевых братьев – сам натаскивал их долгими часами изнурительных тренировок, – но все же вздрогнул от неожиданности, когда из кустов на опушке неслышно, как призраки, возникли трое размалеванных в боевую раскраску мужиков с автоматами и направились к нам.

– Как? – лаконично поинтересовался Мент, с любопытством заглядывая в повозку.

– Норма, – в тон ему ответил Джо. – Грузитесь, времени в обрез.

Ребятишки попрыгали на повозку, и мы неспешно двинулись в глубь леса, прочь от входа в ущелье.

У противоположного входа сидит круглосуточный пост гвардейцев Рашида – с десяток стрелков, отягощенных противотанковыми гранатометами и приборами ночного видения. Любую тварь, рискнувшую высунуть нос из ущелья без ведома Рашида, встретит кинжальный огонь в упор из десятка стволов. Пока аванпост сдерживает натиск внезапного агрессора, подоспеют основные силы – от Челушей по прямой с той стороны минут двадцать машинного хода. Об этом прекрасно знают все обитатели ЗОНЫ, и никто не рискует. И мы не будем – нам туда не надо. Первое действие спектакля, срежиссированного хитрым полковником Шведовым, состоится на этой стороне, в двух километрах отсюда, и буквально через двадцать пять минут. Если мы все правильно рассчитали...

Прибыв на место, мы произвели боевой расчет, замаскировали повозку в глубине леса и распределились по обеим сторонам еле просматривавшейся в густой траве грунтовой дороги, выписывавшей замысловатые повороты в мрачной чащобе. Это единственная дорога здесь, по которой можно пробраться через лес ко входу в ущелье. Ошибиться невозможно – кто бы ни поперся через ЗОНУ, он обязательно пройдет мимо нас. Остается только дожидаться.

Вскоре моя радиостанция выдала три длинных тона: подал сигнал Джо, расположившийся в двухстах метрах правее основной группы и выполнявший функции разведдозора.

– Идут, – негромко сообщил я по цепи и еще раз прикинул, верно ли распределены сектора огня. Ребятишки мои несколько секунд повозились в кустах, поудобнее изготавляясь к бою, и стихли: ни один признак не указывал на присутствие у дороги каких-либо форм жизни. Молодцы – моя школа. В нашей команде никто не ест даром свой кусок хлеба с черной икрой – непрофессионалам у нас не место.

Спустя минуту из глубины леса слышится негромкий звук работающих двигателей – на дороге появляются три джипа: два «Лендровера» и «Чероки». Замыкает колонну микроавтобус «Форд». Так-так, что там у нас? Ага, в каждой машине по два человечка. С места моего лежания салон «Форда» не просматривается, но вряд ли там кто-то есть: ребятишки ведь собираются возвращаться обратно, а путешествовать на «Форде» более чем в восемь раз очень неудобно, да еще учитывая груз, который они предполагают получить. Ну что ж: очень недурственно. Джипы в Ичкерии котируются весьма высоко. Дороги там, знаете ли, не того, да еще горная местность – только на джипах и рассекать. Интересно, а каков будет эквивалент? По сколько стволов за тачку? Впрочем, это праздный вопрос – скоро сами все увидим. А пока время работать.

Словив в прорезь прицела водилу головной машины, я плавно жму на спусковой крючок. Пук-с! – негромко делает мой автомат с ПББС: голова водилы теряет первоначальную конфигурацию, стекла машины мгновенно тонируются красным, кроме лобового. На лобовом маленькая дырочка с расходящимися паутинкой трещинами и несколько капель крови – голову сидящего рядом с водилой напарника видно прекрасно. Пук-с! – делает еще раз мой автомат, и эта голова утрачивает первоначальную конфигурацию. Патроны с уменьшенным пороховым зарядом значительно снижают начальную скорость пули: встретившись с препятствием, она не пробивает его насквозь, а разносит вдребезги.

Справа «пукают» соратники – не очень долго и очень продуктивно. Машины бьют друг друга в зад и застревают на месте – у всех стекла окрашены в нехороший цвет. По моторам никто не попал – моторы мы бережем. Нам еще предстоит транспортировать эти загаженные тачки в одно славное местечко – в полтора километрах от точки боестолкновения. А тащить их по буреломам толкачом – весьма неблагоприятное занятие: пару раз в жизни приходилось развлекаться оным. Оп-па! А это еще что за чудо? Ай-я-яй – недоглядели! Из «Форда» выскакивает мужик и, держась за правое плечо, аки заяц, скачками мчится по дороге назад.

Пять метров до поворота – еще рывок, и уйдет! Это он так думает. Пук! Пук! – раздастся с той стороны – мужика отбрасывает назад. Тело его падает навзничь в траву и застывает без движения. Чудак ты, мужик, там же Джо! Мы ж не банда какая неорганизованная – у нас все операции обставлены с тщательным соблюдением основных тактических принципов: авангард – основные силы – арьергард. Впрочем, тебе уже все равно: надо было раньше постигать прописные истины разработки спецопераций. А то ходят тут всякие, на халяву надеются срубить «капустки» по-легкому...

Осмотрев трупы, я на полминуты впал в прострацию: метко стреляют мои боевые братья! Практически у всех «автолюбителей» черепа были разможены настолько, что определить, кто из них проводник, представлялось весьма затруднительным.

– Ну вот и приплыли, – пробормотал я, лихорадочно подыскивая наиболее оптимальный вариант действий в создавшейся ситуации. – Так-так...

– При чем здесь «приплыли»? – невозмутимо заметил Джо, обнаружив, что я пребываю в затруднении. – Забыл, как на войне делали? Снимем у них штаны и посмотрим. А ну, пацаны, раз-два – взяли!

Как и предполагалось, проводников было двое: крайняя плоть на членах отсутствовала у одного трупа в головной машине и у того, что три минуты назад пытался удрать из замыкающего колонну «Форда».

– Значит, остальные – славяне, – подытожил я. – Прав был Шведов...

Замаскировав трупы проводников в кустах, мы перетащили водилу «Форда» в «Ленд-ровер», затем я, Лось и Сало оседлали обгаженные джипы и аккуратно покатали через заросли подлеска, следуя за Джо, который шел впереди, указывая направление движения. Барин и Мент остались на месте происшествия – им предстояло тщательно уничтожить следы съезда с дороги и подготовить «Форд» для завершающего этапа операции.

Если бы не феноменальная способность Джо безошибочно ориентироваться в любых условиях, я сам ни за что в жизни не добрался бы до этого чертова провала. Перед операцией мы с неделю прочесывали окрестности в поисках подходящего местечка для предстоящей «упаковки» «груза» и случайно обнаружили у подошвы горной гряды здоровенную дыру, настолько хорошо замаскированную растущими по краям кустами, что Мент чуть не свалился в нее – не заметил, бедолага, в двух шагах! Мы с полчаса развлекались у этой скважины, бросая вниз камни и от души радуясь, что природа гор пошла нам навстречу в этом рискованном предприятии.

Сало – ходячая артиллерийская буссоль, уверенно заявил, что по звуку падающих камней можно определить глубину ямки не менее чем в двести метров, а по диаметру она вполне годится для «упаковки» стандартного горючевоза. А Джо – ас войсковой разведки – сообщил нам, что в месте расположения провала напрочь отсутствуют какие-либо точки «привязки» и запоминающиеся ориентиры. И тут же, что называется, не отходя от кассы, провел эксперимент: отвел нас на сто метров, заставил покружиться на месте, зажмурив глаза, и потребовал, чтобы мы отыскиали провал. Вообще-то я тоже не лыком шит в деле ориентирования на местности: специфика прежней работы обязывает. Но, к стыду своему, должен признаться, что в тот раз так и не обнаружил «ямку» – не догадался определить по солнцу, когда хитрый Джо решил экспериментировать! Так что радость наша была вполне понятна: имелся, знаете ли, в плане разработки операции такой пунктик, как сооружение искусственного автомогильника на три единицы – исключительно подручными средствами. А что такое вгрызаться в каменистый грунт предгорья, да еще без использования тротила (преждевременный шум в данной местности был категорически противопоказан), надеюсь, не надо объяснять.

Добравшись до места, мы опорожнили баки с горючим и столкнули машины в провал. Ничего – хорошо пошли: шмяк-шмяк о стены, затем – плюх! – где-то в глубине – и тишина. Подровняв утрамбованные кусты, мы рысцой выдвинулись к дороге и заняли места согласно ранее произведенному расчету в пятидесяти метрах от установленных Барином в кустах противопехотных мин «МОН-50» (наиболее почитаемая игрушка наших инженеров). До начала предпоследнего этапа операции остается что-то около двадцати-сорока минут, в зависимости от степени терпеливости второй стороны, участвующей в «бартере».

Встреча должна была состояться пятнадцать минут назад у входа в горловину ущелья с нашей стороны. Последний срок истек, а клиенты не прибыли: и не потому, что непунктуальны, а в связи с тем, что они... немножко мертвые. Бояться в этом районе второй стороне совершенно нечего – а потому, если я правильно все рассчитал, они должны прошвырнуться по маршруту движения первой стороны – вплоть до административной границы с Россией. Ну что ж – подождем, нам не привыкать. А пока ждем, я вам расскажу, как и обещал, кое-что о нашей команде...

Глава 2

Пусть некоторым это может показаться нескромным, но начну с себя. Я не Агата Кристи, чтобы полкниги держать вас в неведении, делая от своего имени посылы к той или иной персоне и оставаясь за кадром.

Зовут меня Антон Иванов, мне двадцать семь лет и три месяца – на момент описываемых событий. По документам я – Олег Шац, уроженец славного города Копейска, начальник службы безопасности гостиницы «Нортумберленд», располагающейся в некогда гостеприимном для меня областном центре российской глубинки Зеленогорске. Но чтобы вам не путаться, зовите меня просто Сыч. Это боевая кличка, которой меня наградили соратники в ходе совместной деятельности на благо Родины, – а клички в той среде, где я обретался раньше, давали очень метко и совершенно адекватно сущности обзываемого индивида.

Днем я постоянно хочу спать и хожу весь из себя такой вялый и недовольный, вызывая раздражение начальства и насмешки сотоварищей. Зато ночью чувствую себя прекрасно, спать не хочу совсем и вижу чуть ли не как кошка или сова. Я ночная тварь, порождение тьмы и опасности.

Что-то около года назад я состоял в должности командира группы спецназа внутренних войск, имел звание старшего лейтенанта и с минуты на минуту готов был стать капитаном. Но судьба – эта хромая злобная старуха (хотя говорят, что некоторым счастливицам она достается в виде длинноногой симпатичной милашки) – распорядилась иначе...

С чего начались мои мытарства? С того проклятого отпуска, что ли? Может быть, может быть... Хотя нет – отпуск тут ни при чем. Отпуск – лишь очередной этап на крутом спуске от законопослушной жизни до того положения, которое я в настоящий момент занимаю.

Я остался жив и относительно здоров на русско-чеченской войне 1994 – 1996 годов, которая отняла у меня почти полтора года чистого времени. На этой войне я в совершенстве овладел искусством организации спецопераций, приобрел умение профессионально убивать и начисто утратил цивилизованное отношение к такому понятию, как ценность человеческой жизни. А еще на этой войне я всесторонне изучил нравы и обычаи горских народов, достаточно хорошо освоил чеченский язык и обзавелся весьма неприятными во всех отношениях вещами: целой кучей врагов, которые за стволом в карман не лезут (они его постоянно носят в руках), и прогрессирующим воспалением предстательной железы. Ну, мелкие ранения и травмы я в расчет не беру – это обычные издержки моей профдеятельности как в прошлый период, так и в настоящее время.

Так вот, буквально за три месяца до вывода войск из Чечни угораздило меня получить отпуск, а к отпуску – семейную путевку в кисловодский санаторий ВВ МВД РФ «Россия». А рейсовый автобус, на котором мы с женой ехали в санаторий, угораздило напороться на рейд чеченских «духов», промышлявших грабежом за пределами Ичкерии. «Духи» забрали мою жену в компании с двумя молодыми девчонками, находившимися в том же автобусе, и увезли в неизвестном направлении...

Некоторые могут криво усмехнуться: а что ж ты, спецназовец крутой, навороченный, варежку разинул – куда смотрел?! Да пытался я, пытался противостоять... но получил прикладом по затылку и элементарно вырубился, как это ни прискорбно.

Жену свою я искал долго и упорно: это длинная история, она тянет на отдельную книгу, и за неимением времени я ее опушу. Скажу короче: в процессе поисков я ухайдокал кучу более-менее причастных к этому делу товарищей ичкерского происхождения, взорвал между делом одну из горных баз «духов» и ограбил некоего Абдуллу Бекаева – командира отряда чеченских «непримиримых» ни много ни мало на сумму в пятьсот штук баксов. Да,

жену свою я наконец-то нашел, но... но поздновато. Помимо всех прочих изуверств, которые «духи» с ней сотворили, эти уроды успели крепко посадить ее на иглу, и она умерла от передозировки...

А чуть позже я вновь приступил к своим обязанностям и целенаправленно уничтожал «духов» в радиусе видимости и слышимости – вплоть до своего последнего боя. В том бою два особо ретивых «духа» под аккомпанемент выстрелов надругались над остывающим телом моего сержанта – короче, в буквальном смысле изнасиловали труп. Этим вырождакам страшно не повезло: очень скоро их взял в плен армейский отряд, осуществлявший разблокирование зажатого в кольцо контингента внутренних войск. Но в плен тогда попало много ичкерских гвардейцев, суть не в этом. Им не повезло потому, что я запомнил их. И публично расстрелял перед строем своих уцелевших солдат, предварительно зачитав мною же состряпанный приговор. Теперь каждый из моих пацанов – а они уже давно перебиваются чем придется на гражданке – твердо знает, что любое зло наказуемо, а возмездие неотвратимо, несмотря на то, что за спиной злодеев стоит могущественная криминальная страна.

Этот «воспитательный акт» начальство оценило по достоинству: меня моментально признали невменяемым и упрятали в психиатрическое отделение СИЗО № 1 славного города Н... – до окончания следствия. Но результатов следствия я дожидаться не стал, поскольку обстановка в СИЗО мне страшно не понравилась. Я удрал из-под стражи при первой же подвернувшейся возможности и некоторое время жил у своего друга-однокашника, заделавшегося в Зеленогорске правой рукой бригадира одной из преступных группировок. Спасибо бандитам – выходили, дали войти в форму, приласкали-обогрели и даже соорудили мне настоящие документы с сопутствующей легендой: теперь я Олег Шац, как уже упоминал выше.

Только с бандитами наши отношения не заладились. Сначала я прибил там кое-кого в процессе совместной жизнедеятельности (плохо вели себя, салажата!), а потом бригадир польстился на мои баксы, затаренные с войны, и меня взяли в оборот. Закончилась вся эта катавасия тем, что дядя Толя Шведов, который, как выяснилось позднее, давно наблюдал за моими телодвижениями, прибыл в Зеленогорск со своими хлопцами, между делом перемочил моих благодетелей и забрал меня к себе в Стародубовск. С тех пор я прилежно работаю на Шведова, и пока мне это занятие нравится – грех жаловаться.

Вот вроде бы и все, что вам пока следует обо мне знать, подробнее познакомимся в ходе дальнейшего повествования. Да, должен сразу оговориться – для тех, кто насмотрелся американских боевиков и лепит в своем воображении образ героя, руководствуясь исключительно голливудскими параметрами. Я вынужден вас разочаровать, уважаемые любители Ван Дамма и славного дядьки Арнольда. Я совсем не так крут, как может показаться после поверхностного описания моих сногсшибательных походов. И сами эти походы представляются таковыми лишь в контексте, при беглом ознакомлении, на самом деле это невероятные мытарства, основными параметрами которых являются пот, кровь, грязь и постоянный страх смерти.

Основные качества, пригодные для такого рода «приключений», – это безграничное терпение, выносливость и умение ждать. То есть свойства, в большей степени присущие выючному животному, нежели рембообразному холеному красавцу. Верблюду, например, или мерину... Нет-нет, на корабль пустыни я не похож – упаси бог! Но в кино меня сниматься бы не взяли – это сто пудов.

Судите сами: рост – сто семьдесят один сантиметр; вес – от семидесяти пяти до восьмидесяти килограммов, в зависимости от условий жизнедеятельности и сезонного фактора (зимой от безделья толстею); глаза зеленовато-карие; волос русый... а дальше и сказать нечего – незапоминающийся я, серый. Встретите в толпе и не обратите внимания – личность, каких миллион. Во время перепадов атмосферного давления у меня ноют суставы и корни

зубов под пломбами, а еще ноют переломы в сырую погоду – переломам несть числа. Умом меня Создатель не обидел, и свою серость я прекрасно осознаю, можно сказать, остро осознаю. И от этого частенько впадаю в меланхолию: хочется, знаете ли, совершенно машинально, подспудно, так сказать, быть высоким и длинноногим, с мощными плечами и поволокой в прекрасных глазах. И чтобы у девушек от одного твоего вида набухали соски и непроизвольно раздвигались колени. А у них, увы, ничего не раздвигается: девушки на меня почему-то не обращают внимания. Очень, очень обидно. И вообще, я, как и большинство людей войны, практически непригоден в мирной жизни. Все, что я умею делать, – это профессионально убивать, выслеживать, подкрадываться, прятаться и руководить командой в коллективном бою...

Теперь о моем шефе. Познакомился я с ним на чеченской войне при весьма странных обстоятельствах. Хотя, если разобраться, к этому господину нельзя применять общепринятый стандарт понятия «странный» – я уже давненько его знаю, можно сказать, пуд соли съел и бочку водки выпил с ним совместно, а до сих пор для меня мой шеф – личность в высшей степени таинственная и загадочная. Но давайте о деле.

Шведов тогда был полковником ФСБ, чего-то там вынюхивал у одного из чеченских сел, и, само собой, его очень скоро взяли в плен какие-то левые «духи», весьма «своевременно» заприметившие подозрительного славянина, шатавшегося в неполюженном месте без дела. Волею случая вышло так, что я со своими бойцами как раз возвращался из рейда и напоролся на них в тот момент, когда «духи» пытались «посадить» полковника на минное поле.

Надо вам сказать, что я очень впечатлительная натура, а потому ничтоже сумняшеся дал команду своим бойцам «завалить» вредных «духов» и спас полковнику жизнь. Как оказалось в дальнейшем, поддавшись в тот момент порыву трепетного чувства, я поступил очень разумно – полковник мне здорово пригодился. Это он подарил мне невероятную возможность «прогуляться» по Чечне под «крышей» британского журналиста и отыскать свою жену. А затем он вызволил меня из передраги с зеленогорскими бандитами и приставил к настоящему делу. В общем, с лихвой отработал свой долг – теперь мы квиты.

Наши с полковником судьбы весьма схожи, если не принимать во внимание тот факт, что я оказался на нелегальном положении из-за чрезмерной впечатлительности и обостренного чувства справедливости, а шеф мой стал жертвой политических интриг. Даже период попадания в полосу неприятностей у нас примерно одинаковый: с июня по август прошлого года. Пока я развлекался с «духами», а затем парился на «шконке» следственного изолятора, полковник умудрился раскопать страшной важности информацию о теневой деятельности некоторых государственных мужей, хапавших огромные средства с изнанки чеченской войны (это про тех самых злых дядек из верхнего эшелона, о которых ранее шла речь). Полковник тщательно разработал данную информацию и, надеясь получить с этого хороший навар, передал ее по инстанции.

Навар получился выше крыши: полковника начали очень активно стирать с лица земли. Семью его вырезали под корень, а сам Шведов остался в живых только благодаря чудовищной интуиции и высочайшему профессионализму, проще говоря, всех киллеров привалил и смылся. Канул в Лету, как и ваш покорный слуга.

Только полковник канул куда как круче меня! Я, например, после побега из изолятора только-то и успел, что обзавестись новым паспортом, новыми врагами (теперь, помимо чеченцев, желающих расквитаться за кровь убитых мною сородичей, меня страстно хочет вся зеленогорская братва) и неясным, можно сказать, зыбким положением в обществе. А полковник соорудил себе высокочелюстную «пластику» – на прежнего Анатолия Петровича он даже отдаленно не похож! – стал каким-то чудом майором милиции в отставке Алексеем Федоровичем Черновым, заимел официальные права на частное сыскное агентство «Аргус»;

а помимо агентства, заимел целую кучу таких приятных вещей, как два особняка в престижном районе частного сектора Стародубовска, «Ниссан-Патрол», два джипа «Чероки», кучу денег и... команду военных профессионалов, работающих под «крышей» сысканого агентства. Хотя нет – надо оговориться: просто профессионалов, численностью восемь голов (себя я не считаю, поскольку это все было до моего появления у Шведова).

Команду из них чуть позже сделал я – отбросив ложную скромность, могу утверждать, что это целиком моя заслуга. Сбил-сколотил, обтесал, создал маленькое боевое братство. И хотя уровень профессионализма – понятие весьма расплывчатое и не имеющее жестких критериев в некоторых прикладных областях ратного дела, но... но мы работаем в ЗОНЕ вот уже почти год, и все умудрились остаться живы-невредимы: травмы и легкие ранения в зачет не идут. А это, можете мне поверить, довольно высокий показатель. Потому что кривые тропки ЗОНЫ в буквальном смысле слова устланы давно истлевшими останками крутых ребят, которые искренне полагали себя всесторонне подготовленными профессионалами и наверняка надеялись пожить чуть-чуть подольше...

Ну а по поводу всего этого изобилия... тут что-то туманно, знаете ли... Некоторые индивиды всю жизнь упираются в поте лица и не могут сколотить себе на приличную «шестерку» 90-го года выпуска, а этот – нате вам! Откуда дровишки?! – как говаривал один мой приятель (царствие небесное). Однако в нашей среде не принято назойливо интересоваться обстоятельствами, про которые человек предпочитает умалчивать, если этот человек числится в разряде соратников. Сам полковник по этому поводу, как, впрочем, и по поводу других непонятных явлений, исходящих от его персоны, предпочитает высказываться в таком духе: «Тебя волнует, как лампочка горит? Свет дает – и ладно... А отчего в такой маленькой стекляшке столь яркий свет, ты все равно не поймешь, даже если ухитришься ее разобрать...»

Теперь пару слов о моей команде (или команде полковника, что одно и то же). По соседству с усадьбой Шведова, сразу за забором, находится довольно большой дом. Этот дом, как уже упоминалось выше, принадлежит полковнику – так же, как и два «Чероки», «Ниссан-Патрол», частное детективное агентство «Аргус» и ряд других мелочей. Ха! Вот деятель! Нет, решительно не могу взять в толк, как это он умудрился за столь короткий срок эдак разрастись? Уму непостижимо... Ну так вот – в доме по соседству и проживают наши бойцы. «Агенты» агентства «Аргус», которое никого не ищет. Все вместе, под одной крышей. Только комната у каждого своя, отдельная – это создает некое подобие индивидуальности жизненного уклада. Ходят в один туалет, едят за одним столом, даже спят с одной женщиной... пардон! – с двумя. Прислуживают в этом общежитии две грудастые симпатичные девахи. Стирают, готовят, убирают – по графику, через сутки. И по первой просьбе любого из «агентов» с готовностью раздвигают ноги... За это Шведов платит им недурственные бабки. Так удобно. Никто из «агентов» не пойдет налево и не нарвется на обычные житейские неприятности, подстерегающие на каждом шагу холостого мужчину: типа обиженных мужей, прячущихся за портьерой с кухонным ножом, и венерических заболеваний, отнюдь не способствующих поддержанию высокой боеготовности команды. Кроме того, если верить полковнику, полигамия весьма благотворно влияет на формирование в коллективе общих интересов, чаяний и стремлений. Вот раньше, когда был первобытно-общинный строй, племя сообща ело одного мамонта, а все мужики племени трахали всех женщин племени – кто под руку подвернется. И так – тысячелетиями! Может, именно поэтому мы и выжили, не дрогнули перед лицом катаклизмов... Полигамия – это прекрасно! Бабы общие? Общие. Ну и все остальное тоже общее. Чайня, стремления, интересы, ничтоже сумняшеся пояснил свой эксперимент Шведов, когда я на первых порах попытался робко высказать недоумение по поводу незаурядного жизненного уклада соратников.

Не знаю, не знаю: может, действительно полковнику виднее с высоты своего глобального опыта и бурно прожитых лет. Я, к примеру, явления такого типа всегда именовал однозначно: «изврат»...

Мои отношения с «агентами» сложились самым наилучшим образом. Как-никак, мы из одного теста леплены, все битые-ломанные, выброшенные на обочину нелегкой судьбой. После напряженных тренировок и совместно проведенных рискованных операций я могу с легким сердцем вести этот отрядик на любое лихое мероприятие, не испытывая при этом закономерного опасения, что кто-то из них выстрелит мне в спину или не выполнит приказ. Мы – единый боевой организм, каждый орган которого отвечает за свой участок работы и обеспечивает тем самым бесперебойное функционирование системы в целом. Каждый член команды – профессионал своего дела, прошедший тяжелые испытания суровыми условиями локальных войн. Все эти ребята умеют стрелять навскидку, продуктивно работать в экстремальной ситуации и всячески заботиться о себе на поле боя, они... хотя чего разглагольствовать – судите сами.

№ 1: Сергей Дзюба – боевая кличка Лось. 25 лет, холост, сирота. Старший лейтенант погранвойск. Место службы – Таджикистан. Уволен по дискредитации. Специализация: стрельба (мастер спорта по трем видам).

№ 2: Сергей Леонов – боевая кличка Север. 29 лет, холост, сирота. Капитан ВДВ. Место службы: Баку, Абхазия, Чечня. Уволен по дискредитации. Специализация: артиллерийские системы.

№ 3: Андрей Игнатов – боевая кличка Барин. 32 года, родители умерли, разведен. Майор ВДВ (начальник инженерной службы ДШБр). Место службы: Баку, Абхазия, Сев. Осетия, Чечня. Уволен по сокращению штатов. Специализация: сапер.

№ 4: Иван Городничий – боевая кличка Мент. 27 лет, мать-алкоголичка, отца нет, холост. Ст. лейтенант внутр. войск. Место службы: Абхазия, Фергана, Чечня. Уволен по дискредитации. Специализация: рукопашный бой, стрельба.

№ 5: Леха Шматкин – боевая кличка Сало. 29 лет, сирота, холост. Капитан морской пехоты. Место службы: Абхазия, Чечня. Уволен по дискредитации. Специализация: гусеничная техника, ПТУРС (противотанковые управляемые реактивные системы).

№ 6: Александр Кошелев (это мой лепший кореш) – боевая кличка Джо. 28 лет, с родителями отношения не поддерживает, разведен. Капитан внутренних войск. Место службы: Абхазия, Сев. Осетия, Чечня. Уволен по состоянию здоровья (после контузии). Специализация: войсковая разведка.

№ 7: Игорь Кузнецов – боевая кличка Клоп (ну что поделать, если он маленький, рыжий и вреднючий!). 31 год, сирота, разведен. Капитан мотострелковых войск (командир инж. – сап. батальона). Место службы: Баку, Сев. Осетия, Чечня. Уволен по сокращению штатов. Специализация: сапер. И какой сапер!

№ 8: Федя Блинов – боевая кличка Винт. 32 года, родители умерли, разведен. Майор ВВС (командир вертолетной эскадрильи). Место службы: Афганистан, Таджикистан. Уволен по сокращению штатов. Специализация – сами понимаете...

Все – команда в полном составе. Да, по поводу кличек. Это я окрестил их так в первые дни знакомства, на правах командира. Так положено в команде: у каждого должна быть боевая кличка. Когда имеешь дело со смертью, называть друг друга по именам – это слишком ласково, отдает сантиментами. Обращаться по фамилиям – слишком официально, сухо. Кличка – золотая середина. Кроме того, имя, случайно слетевшее с уст кого-либо из бойцов во время проведения операции, в последующем может сослужить своему хозяину дурную службу. Такое случалось неоднократно в моей практике. А потому – боевая кличка. Как универсальное средство взаимодействия между членами команды...

Вот такие славные ребята. Все почему-то холостые, разведенные и по каким-то причинам вышвырнутые из военных ведомств. Каждый из них не сумел найти свое место в гражданской жизни. Не приспособлены оказались, отвыкли в войсках виться ужом в борьбе за существование. Умный полковник Шведов – благодетель, отец родной! – повытаскивал их из разных углов, обогрел, дал место в жизни, хорошие бабки и посулил блестящие перспективы, требуя взамен лишь то, что все они делали для Родины, когда молотили во благо ее процветания за жалкие гроши...

В свое время Шведов, движимый мотивами личной мести, собрал всех этих людей и вытащил меня из передраги, в которую я угодил по недомыслию в славном городе Зеленогорске. Я подготовил боеспособную команду, и мы ударно поработали на полковника, осуществив его тщательно разработанный план: аннулировали коридорную группировку, ликвидировали КОРИДОР и примерно наказали злых дядек, посмеявшихся походя обидеть полковника. После этого, казалось бы, необходимость в существовании команды отпала. Зачем держать в куче ненужных теперь профессионалов? Но наша деятельность каким-то образом попала в поле зрения определенных сил, которые в структуре современного российского общества вроде бы не значатся, однако, несмотря на это, имеют весьма и весьма значительный вес как в политике, так и в экономической сфере. Поскольку я сам не в курсе этого вопроса (полковник к своим тайнам не подпускает даже близких людей – дурная гэбэшная привычка, ставшая второй натурой), навязывать вам свои измышления по данному поводу не буду. Скажу проще: после той достопамятной резни в Стародубовске полковника (ну и нас вместе с ним, естественно) кто-то могущественный быстренько взял под крыло. Кому-то страшно понравилось, как мы разделились на три счета с мощной группировкой и довели до суицида злых дядек из верхнего эшелона. Шведову создали режим наибольшего благоприятствования. Доступ к любого разряда информации, моментальное приобретение какой угодно экипировки, защита от посягательств правоохранительных органов (до сих пор, правда, в оной нужды не было, или, может, это нам, рядовым членам команды, так кажется) и определенные денежные субсидии. Взамен – работа в ЗОНЕ. Вот мы и работаем. Отстреливаем караваны со всем подряд как с той, так и с другой стороны; вырезаем наиболее докучливых информаторов – охотников за секретами; организуем разведку непосредственно на территории ЗОНЫ; покупаем информацию, если в том есть необходимость; стравливаем банды «индейцев» друг с другом и с «клиентами», ползущими в ЗОНУ с нашей стороны, и так далее... А что – работа непыльная. Все равно, кроме этого, делать мы ничего не умеем, на гражданке сейчас устроиться проблематично, а платит полковник весьма недурственно: недельный заработок рядового агента составляет в зависимости от характера деятельности от трех до десяти штук баксов.

Вот и сейчас мы действуем в обычном режиме по разработанному Шведовым плану. Хотя нет, если быть более точным, мы, как это принято выражаться в войсках, «устраняем недостатки».

Эти славяне, трупы которых в настоящий момент мирно покоятся в мрачном провале, не просто «дикие» охотники за «капустой», что на свой страх и риск контактируют от случая к случаю с непредсказуемыми обитателями ЗОНЫ. Здесь имеет место хорошо продуманная и организованная реставрация пресловутого КОРИДОРА, которая, если быть объективным, практически состоялась. Видите ли, Шведов в последнее время был занят кое-какими делами, а его «крыша» в столице за всем углядеть не в состоянии. Вот и проморгали. Имеет место результат: создана небольшая группировка, которой предстоит обеспечивать КОРИДОР, уже найдены контакты с некоторыми крупными представителями ЗОНЫ, – и потихоньку идет налаживание грузопотока: хлопцы пока что тренируются. Это у них пятая ходка, и, надо полагать, последняя. Потому что до них наконец-то добрались мы – санитары ЗОНЫ. Шведов забросил все свои дела, «крыша» выдала всю имеющуюся информацию, а

мы в обычном режиме претворяем в жизнь глобальные планы больших людей – потихоньку, не торопясь, тщательно и методично. И кстати: закругляюсь с пояснениями – зоркий Лось, сидящий на соседнем дереве, показывает мне два пальца и корчит рожу. Это значит, что он засек авангард каравана Рустема Гушмазукаева, и нам вскоре предстоит работать...

Из-за поворота показались двое в полном боевом прикиде: с автоматами, за спинами – по «Мухе», в разгрузках что-то топорщится – судя по всему, гранаты, – на головах черные косынки. У того, что справа, на шее висит бинокль, но пользоваться им дозорному нет необходимости – он слушает. Глаза потуплены, полностью расслаблен – «работают» только уши. Второй – наблюдатель. Внимательно смотрит по сторонам, через каждые десять секунд взглядом прошупывает дорогу. Молодцы. Мы тоже таким образом перемещаемся по ЗОНЕ: каждый согласно расчету «включает» какой-то орган чувств, притупляя остроту восприятия окружающей обстановки другими органами. Приятно знать, что имеешь дело с профессионалами.

Неслышно прошмыгнув мимо нас, дозорные скрылись за поворотом. Спустя двадцать секунд на дороге показалась основная группа – лошадка, запряженная в повозку, аналогичную той, что Лось накануне спер на казачьем хуторе, а к лошадке приложение: шестеро молодцев, дефилирующих по обеим сторонам повозки в пешем порядке. Все в том же полном боевом прикиде, лица сосредоточенно-хмурые, пот со лбов – градом. Долго же вам пришлось топтать пешедралом! А что же не на телеге, хлопцы? А-а-а, вон оно что... Под тонким слоем соломы в повозке явственно прослеживаются очертания объемных тюков, лошадь движется с видимым усилием... Ясное дело – не потянет лошадка, если еще шестеро молодцев запрыгнут сверху.

Основная группа медленно прошествовала мимо нас и скрылась в листве раскидистых дубов. Из-за поворота показался арьергард: двое хлопцев, замыкающих караван. Перемещаются так же, как и авангард: один слушает, другой внимательно смотрит по сторонам – визуально исследовать дорогу нет необходимости: если бы что-то там и было, давно уже напоролись бы впереди идущие.

Вообще-то, в отличие от недавно убиенных нами славян, этим ребятам в ЗОНЕ опасаться нечего. Они тут свои. Идут по земле Рашида, который отвечает за все, что случается в его районе, и поддерживает здесь относительный порядок. Но ребятишки выросли в ЗОНЕ и по-другому перемещаться просто не умеют – жизнь приучила. Настоящие ичкерские волки, закаленные в боях с федералами: хитрые, осторожные и опытные. Малейшее изменение обстановки тотчас же отметит натренированный глаз, любой посторонний шум мгновенно услышит чуткое ухо: у посторонних, рискнувших вторгнуться в пределы ЗОНЫ, практически нет шансов остаться незамеченными.

Только ведь и мы здесь не на экскурсии. Работаем мы тут: всесторонне изучили повадки каждого волчары и можем предугадать чуть ли не каждый шаг супостата. А слышим и видим ничуть не хуже: именно поэтому до сих пор остались в живых. И как ни изощряются молодцы Рустема Гушмазукаева, который опрометчиво договорился с Рашидом о систематической проводке грузов через Сарпинское ущелье, мне их искренне жаль. Потому что ближе ко входу в ущелье сидим мы с Лосем, который стоит целого отделения снайперов; в двухстах метрах левее нас скучает Барин, поглаживая холеными пальцами пульт дистанционного управления установленной им накануне системы противопехотных мин; рядом – Мент, который страхует Барина; а еще в ста пятидесяти метрах левее – Сало и Джо, наблюдающие за дорогой через оптические прицелы. Очень, очень жаль: такие бойцы погибают!

Дождавшись, когда замыкающая караван пара проследовала мимо нас и удалилась метров на пятьдесят, я аккуратно прочистил горло и принялся размеренно и очень натуралистично куковать. Замыкающие на секунду замерли на месте и обратились в слух. Я тотально вспотел и задеревенел от напряжения. Нет, кукую я весьма недурственно – меня Джо научил,

ас разведки, который в природных звуках разбирается просто великолепно и воспроизводит оные едва ли не лучше самих животных и птиц. Но у одного дозорного на автомате прикручен глушак, а вырос он, напоминая, в ЗОНЕ (ну разумеется, это дозорный вырос в ЗОНЕ, а не глушак – такие штуковины здесь пока что не растут!). Ничто не мешает ему поднять свой ствол и пальнуть наугад в направлении звука – для проверки.

– Ку-ку, ку-ку, – и так далее, я вдохновенно блажил, входя в образ и боясь сделать лишнее движение. Да топайте же, родные мои! А то сейчас голосовые связки устанут, и выдам вместо «ку-ку» петуха! А петух в данной местности – вообще аномалия. Откуда в лесу петух? Тогда действительно можно со стопроцентной гарантией рассчитывать на проверочную очередь в нашем направлении...

Постояв немного, дозорные развернулись и медленно пошли дальше. В тот же момент я прекратил куковать – сигнал для Барина, что караван в полном составе и можно приступать. Однако эти подозрительные ичкерские волчата довольно долго стояли на месте: как бы не получилось так, что основная группа уже миновала полосу минных заграждений! Тогда придется много стрелять – основная группа успеет рассредоточиться и принять бой. А это уже нехорошо: надо быть последним идиотом, чтобы иметь в руках всеобъемлющий фактор внезапности и не использовать его на полную катушку.

Ба-бах!!! – оглушительно рвануло за поворотом. Вздвогнув от неожиданности, я пытаюсь словить в прыгающую прорезь прицела фигуру одного из замыкающих, застывшую на краткий миг у обочины дороги. И не успеваю – совсем выпустил из виду, что рядом Лось – машина для стрельбы из всех положений.

Пук-с! Пук-с! – выдает автомат Лося – и нет фигур замыкающих: отбросило их в кусты на обочине.

Кубарем скатившись вниз, мы продираемся через кусты на дорогу и шустро движемся в направлении взрыва. Спереди звонко вспарывают воздух две чужие очереди: у всех наших автоматы с ПББС, значит, кто-то из ичкерских гвардейцев умудрился остаться в живых после Баринова «аккорда». Рывком приняв вправо, я прижимаюсь к обочине и автоматически бросаю через плечо Лосю:

– На месте! Страхуешь, я пошел...

Лось не отвечает. Встревоженно обернувшись, я обнаруживаю, что коллега жив-здоров, и морщусь: Лось прилежно выполняет функции, которые остальные члены команды избегают взваливать на свои плечи. Этот симпатичный внешне парниша у нас числится внештатным «контролером». Только не тем, что в троллейбусах к безбилетным пассажирам пристаёт, а тем, что делает контрольные выстрелы в голову...

Наше присутствие на поле брани не требуется – все получилось как надо. Вот только лошадку жалко.

– Лось, лошадь добей! – словно прочитав мои мысли, возбужденно кричит Барин, выбираясь из кустов и брезгливо переступая через растерзанные взрывом тела основной группы каравана. Несколько секунд я безотрывно смотрю в налитые кровью глаза поверженной гнедой, которая, хрипя и пуская малиновые пузыри, старательно выгибает длинную шею назад, пытаясь укусить гигантского невидимого слепня, вырвавшего у нее из спины двухкилограммовый кусок мяса... Затем откуда-то возникает Лось и одним выстрелом прекращает эту мучительную сцену... Черт! Бывают моменты, когда я ненавижу свою работу и самого себя за то, что приходится делать.

Через несколько мгновений на месте происшествия все приходит в движение. Джо подгоняет «Форд», припрятанный до поры до времени в кустах метрах в трехстах от засады, и мы начинаем споро перегружать в него оружие из покалеченной повозки. Хорошо, что стволы не в табельной упаковке – ворочать тюки значительно легче, чем тяжеленные оружейные ящики. Работаем очень быстро, надсадно крикая и обливаясь обильным потом, хотя

никто не гонит. Надо поспешать: часовые со сторожевого поста Бекмурзаева, что с той стороны ущелья, вне всякого сомнения, слышали фейерверк и сделали выводы. Сами они сюда не сунутся – не велено, но обязательно сообщат по команде. Ориентировочно через полчаса здесь будет до зубов вооруженный рейдовый отряд, и очень может быть, под руководством самого Рашида Ясно Солнышко. Тогда придется отстреливаться до последнего патрона, а затем совершать суицид под кронами раскидистых дубов. Потому что сдаваться в плен этому господину никто из нас не пожелает ни под каким соусом – есть, знаете ли, на то особые причины...

Погрузка закончена. Мы вытаскиваем из кустов трупы проводников и аккуратно укладываем их неподалеку от распростертых на дороге дозорных «авангарда». Получается очень натуралистично: создается впечатление, что хлопцев накрыла в один момент мастерски выпущенная очередь из автомата – в упор. Внешний вид места происшествия – очень важная особенность такого рода акций-провокаций: баллистические экспертизы и следственные эксперименты в ЗОНЕ никто никогда не проводит. Все доверяют лишь собственным глазам и ушам. К машине подходит Лось, жестом дает понять, что выполнил свою миссию: случайно оставшихся в живых не будет.

Все, пора отправляться. Барин, тяжело вздохнув, забирается за баранку груженого «Форда», заводит двигатель и неторопливо едет по дороге прочь от ущелья. Мент выводит откуда-то «нашу» лошадь, запряженную в повозку, мы быстренько вскарабкиваемся на нее и, чуть помедлив, катим вслед за «Фордом».

Барин – смертник. Он не виноват в том, что в полном объеме владеет непростым искусством сапера и может по малейшим изменениям в окружающем ландшафте угадать тщательно замаскированные минные заграждения, устроенные вдоль дороги. Конечно, совсем недавно здесь благополучно проехал караван машин с нашей стороны, и никто нигде не взорвался. Но ведь в караване были проводники. Тут ведь как делают: подъехал к определенному участку, отошел от дороги в кусты метров на пять и выключил фотореле. Проехал этот участок, снова сошел с дороги – потянул за проволочку: реле опять включено. Добро пожаловать в ЗОНУ, гости дорогие, непрошенные! Так что – удачи тебе, Барин...

Метрах в семистах от боестолкновения «Форд» останавливается. Барин выходит из машины и скрывается в придорожных кустах – мы синхронно валимся с телеги на дорогу и залегаем. Спустя две минуты Барин появляется из кустов и жестом показывает, чтобы подождали. Затем садится в «Форд» и очень осторожно проезжает метров пятьдесят. Я с тревогой смотрю на часы: если будем перемещаться такими темпами, придется где-нибудь на выезде из ЗОНЫ принять неравный бой с рейдовым отрядом Рашида, значительно превосходящим нас по всем параметрам. Но вроде бы все в норме – Барин высовывает через окно левую руку и крутит ею в воздухе, что на армейском языке жестов во все времена означало «заводи».

Таким же образом преодолев еще три подозрительных участка, расположенных друг от друга на удалении что-то около километра, мы вырываемся на оперативный простор. Дорога становится шире, лес редее – кажется, что воздух здесь как-то чище и легче, чем под мрачным небом ЗОНЫ.

Перед тем как покинуть пределы ЗОНЫ, мы проделываем последнюю инсценировку. Распрягаем лошадь, отпуская ее на волю, и устраиваем трупы бекмурзаевских ребятишек в кустах у дороги: вроде бы замаскировали, но поспешно, небрежно этак. В общем, если быстро перемещаться по дороге и поверхностно вести наблюдение, обнаружить трупы непросто. Но коренные обитатели ЗОНЫ обшаривают взглядом каждый кустик, каждый бугорок на дороге и, вне всякого сомнения, обнаружат тела убитых метров за пятьдесят до приближения к ним. И будут минут десять подползать, принимая все необходимые меры предосторожности. Тут, знаете ли, частенько минируют трупы. Потянул за руку, а там «сюрприз»...

Затем мы устраиваемся в «Форде» и мчимся прочь. До свидания, ЗОНА! Операция прошла успешно – как обычно (тьфу-тьфу-тьфу! через левое плечо). У Рустема Гушмазукаева будет целая куча вопросов к «смежникам» из-за границы. Даже если учитывать только один этот фактор, вопрос существования новоделанного КОРИДОРА становится весьма и весьма проблематичным. Но не это главное. Главное то, что у Рашида Бекмурзаева вопросов вообще не возникнет – после обнаружения тел своих людей на маршруте движения каравана славян. Тут, знаете ли, нюансик один есть. Семья Рашида здорово пострадала во время РЧВ². Федеральная авиация бомбила Челуши, поскольку оттуда частенько по нашим войскам работала какая-то левая артиллерия. И как всегда бывает в таких случаях, погибло много людей, не имеющих к войне касательства: стариков, женщин и детей.

Поэтому Рашид смертельно ненавидит славян. Думаете, почему он, будучи хозяином Сарпинского ущелья, во всех отношениях удобного для организации КОРИДОРА, лично не пожелал контактировать с российскими теневиками? Конечно, есть много чеченцев, пострадавших во время войны и всюю работающих в одной упряжке с нашими хитрожопыми чинушами. Но Рашид – человек иного склада. Он настоящий «непримиримый». Он лично пытается славян, попавших в ЗОНЕ в лапы его гвардейцев, и любит развлекаться тем, что медленно снимает с человека кожу, что получается у него весьма недурственно: задолго до РЧВ Рашид некоторое время работал таксидермистом.

Так что – прощай, КОРИДОР. Теперь твоим новым хозяевам путь в ЗОНУ заказан. Более того, им придется покупать бронированные автомобили, потому что даже на российской земле они не застрахованы от неприятных сюрпризов.

А нас впереди ожидает армейский грузовик, где скучает Клоп с чистыми пропечатанными накладными и доверенностями, в которые совсем нетрудно вписать все, что угодно: хоть целый парк гаубиц «Д – 30». Клоп займется «перегоном» партии оружия, а мы поедем отдыхать. До следующего раза, ЗОНА!

² РЧВ – здесь и далее я так сокращаю русско-чеченскую войну.

Глава 3

Неделя после провокации у Сарпинского ущелья прошла более-менее спокойно. «Агенты» развлекались по обычному плану: ели, спали и качались во дворе – там у них оборудован под навесом небольшой многофункциональный спортзал с разными железяками и боксерскими грушами. Я ночи напролет валялся на веранде своего дома, запоем читал все, что под руку подвернется, и совершенствовался в английском. С утра до вечера спал – я днем спать люблю, – а вечером шел прогуляться к Шведову, благо неподалеку, чтобы разузнать оперативную обстановку в ЗОНЕ и прилегающих окрестностях.

Да, не удивляйтесь, у меня есть собственный дом – такой вот маленький штришок к портрету. Помните, я рассказывал, что как-то мимоходом ограбил одного симпатичного парнишу по имени Абдулла Бекаев (упокой Аллах его грешную душу) на пол – «лимона» баксов? Сорок штук у меня отнял в Зеленогорске бандитский бригадир Белый (царствие небесное), а остальные я отдал на хранение полковнику. Надеялся, что наступит такое время, когда на эти деньги я смогу вооружить и экипировать небольшой отрядик камикадзе для тотального террора на территории суверенной Ичкерии – эта идея долго жгла мою душу после того, как потерял жену и утратил веру в ценность жизни. Но время все расставило по своим местам. Мой «газават» как-то самопроизвольно утратил свой смысл. Во-первых, как справедливо заметил однажды полковник, это полный идиотизм – мстить целому народу за причиненное тебе горе. Во-вторых, то, что я делаю сейчас, вполне компенсирует невосребованную жажду мести за мою исковерканную судьбу и горечь утрат многих моих боевых братьев, оставивших на этой войне часть своей души.

А потому я в один прекрасный день, устав житием в одном помещении со своенравным полковником, попросил Шведова приобрести мне неподалеку приличную усадьбу с высоким глухим забором, обязательными фруктовыми деревьями и, естественно, какой-никакой банькой. Без баньки, знаете ли, трудно в нашем меняющемся мире – скурвиться можно.

– Ладно, будет тебе домишко, – обрадовался Шведов и куда-то удалился на пару часов. Тут надо пояснить, отчего это полковник обрадовался. Дело в том, что до этого я периодически страшал шефа, что возьму свои деньги, наберу, как планировал, отряд, брошу к чертовой матери наше дело на произвол судьбы и умотаю в горы Ичкерии. Взрывать дороги, рушить мосты и расстреливать автоколонны, что под руку подвернутся, – короче, заниматься тотальным террором.

Шведова это здорово нервировало. Сами понимаете, перспектива потерять в один прекрасный день основного исполнителя, на котором держится пятьдесят процентов успеха всего предприятия, отнюдь не способствует поддержанию душевного равновесия. А тут – нате вам! Парень решил вести оседлый образ жизни. Начал тратить деньги и хочет приобрести дом. Очень приятно...

В общем, приобрел мне полковник очень даже неслабые хоромы со всей обстановкой – и совсем недорого. Всего за сто штук баксов. Двухметровый кирпичный забор, небольшая банька и просторная веранда с некрашеным деревянным полом. И зажил я самостоятельной жизнью. Нанял соседскую бабку за триста тысяч деревянными в месяц: стирать, убирать, готовить и ночевать, когда я прохлаждаюсь в ЗОНЕ.

Самостоятельность моя ознаменовалась приобретением значительного количества свободного времени и одной незначительной на первый взгляд проблемой. Время я тратил весьма продуктивно: обчистил все попавшие в поле зрения букинистические магазины, заимел солидную библиотеку и начал запоем читать, а попутно приобрел литературу для изу-

чения английского языка, выписал себе ЕШКО³ – английский для высшего уровня – и всю жизнь совершенствовался в языке. У меня с детства склонность к иностранным языкам: учился в спецшколе с английским уклоном и там увлекся постижением тайн чужой речи. И хотя запаса, полученного в спецшколе, вполне хватало, чтобы бегло вести диалог и смотреть без перевода крутые пиратские боевики, хотелось чего-то большего – даже и не знаю чего. Нет, эмигрировать в Штаты я пока что не собираюсь – мне и здесь недурственно живется, – но, может быть, когда-нибудь, в другой жизни, мне это пригодится. Если не завалят в одночасье в ЗОНЕ...

Теперь по поводу той самой проблемы, что на первый взгляд кажется незначительной. Я уже упоминал выше, что отношения с женщинами у меня складываются очень туго: не ловелас я, увы. Для того чтобы завоевать стоящую женщину, нужно располагать особым набором качеств, которых в моем арсенале нет. А несостоящая мне не нужна. Можно, конечно, время от времени прибегать к услугам дам известной категории, но это весьма рискованно – несть числа примерам печальных исходов таких связей. Разумеется, дабы избежать осложнений и не тратить время на завоевание прекрасной дамы, можно жить анахоретом. Но нельзя не брать в расчет физиологический аспект: я как-никак молодой здоровый мужик и, несмотря на заработанное на войне воспаление предстательной железы, довольно часто хочу совокупляться с молодыми красивыми дамами, причем очень активно и изощренно.

Так вот, когда я жил у полковника, такой проблемы не было. Во-первых, времени свободного было в обрез, а во-вторых, под боком всегда имелся готовый к услугам агрегат для удовлетворения внезапно возникавшей похоти.

Обычно это было так: я приходил в дом к «агентам» и как бы мимоходом интересовался: «А как там ваши дамы поживают?» На что прямолинейный Джо всегда реагировал удивительно однообразно – орал дурным голосом, так что слышно было во дворе: «Ирка (или Галька – в зависимости от графика дежурства)! Беги сюда! Сыч ебстись желает!!!» – после чего паскудно ухмылялся и деликатно уходил из своей комнаты.

Ну а далее – все по накатанному сценарию. Заходила Ирка (или Галька), дежурно улыбалась, запирала дверь на щеколду и гостеприимно раскидывала ноги в стороны, приглашая меня со всей дури ворваться в ее хорошо тренированные в результате многократного использования недра. Ну и врывался я – со всей дури. А куда денешься? Физиология требует своего.

А теперь получилось так, что я стал самостоятельным, сам обеспечивал себя всем необходимым и навешивался к «агентам» для удовлетворения естественных потребностей было вроде как неудобно. Что ты за мужик, если имеешь дом и не можешь найти себе женщину – отрываешь кусочек секса от коллектива?!

Пожив некоторое время в одиночестве, я начал бродить вечерами в поисках той самой прекрасной дамы, что могла бы скрасить унылую жизнь холостяка, и внимательно приглядывался к женщинам, гуляющим по улицам Стародубовска. Ситуация осложнялась тем, что Шведов категорически запретил всем нам посещать рестораны и дискотеки – после нескольких шумных инцидентов, имевших место в самом начале нашей совместной деятельности. Почему-то получалось так, что если мы куда-то отправлялись погулять всем гуртом, то обязательно под занавес смертным боем били посетителей этих самых ресторанов и дискотек и наносили в процессе данного мероприятия изрядный ущерб оборудованию заведения. Очень уж наглые эти посетители – полагают, что если заимели «трехсотый» «мерс» и пресс-боксы, то им все можно. А мы не привыкли молча сносить оскорбления и обиды. Мы привыкли, что оскорбление, нанесенное любому члену команды, является оскорблением всех, и реагировали соответственно. В конце концов Шведову надоело утрясать последствия этих

³ Европейская школа корреспондентского обучения.

катаклизмов, и он рубанул с плеча: всем сидеть дома! Все, что надо, у вас есть. А если кого заметят в ресторане или на дискотеке – из команды долой!

Итак, в места, наиболее оптимальные для интимного знакомства, наведываться было нельзя, а на улице, сами понимаете, нормальная женщина знакомиться с посторонним мужчиной вряд ли пожелает – времена нынче больно суровые.

В один прекрасный весенний вечер мне все же повезло. Прогулявшись по пустынным аллеям пригородного парка, я в очередной раз наткнулся в разных местах на равнодушные глаза прекрасных незнакомок, дефилирующих парочками и поодиночке вдоль ровно стриженных кустов, и вновь пришел к выводу, что придется покупать какую-нибудь престижную иномарку. Почему-то те товарищи, что разъезжают на иномарках, с этого парка расхватывают дам в буквальном смысле пачками. Подкатил на своем роскошном авто, выдал пару дежурных каламбуров – и готово. Дамочка на заднее сиденье – прыг! – иномарка в темноту – шась! – и всех делов. Очень обидно. Я, такой светлый и чистый, хожу тут себе как дурак, а какой-нибудь толстый хачек подскочил на «мерсе», схватил в охапку что-нибудь типа Мисс Очарование-97 и помчался удовлетворять свои естественные потребности во всех мыслимых аспектах.

Так вот, собрался я уже было убраться восвояси из этого парка и вдруг обнаружил на лавочке под фонарем одинокую деву – прекрасную и загадочную. Она была хрупка и нежна, как мастурбационные грезы неполовозрелого кандидата в гомосеки, сосредоточенно читала какую-то толстенную книгу и, казалось, совершенно отрешилась от всего сущего – настолько была погружена в перипетии сюжета.

Я так увлекся созерцанием этого неожиданного чуда, что застыл на месте как вкопанный и разинул рот, не задумываясь о том, как выгляжу со стороны. Единственная мысль, которая в тот момент меня занимала, была примерно такова: «Нет, парень, такая симпатяга ни за что не станет знакомиться на улице с каким-то заурядным мужиком, который немеет в присутствии порядочных женщин и не может два слова связать даже для того, чтобы прилично представиться».

И вдруг – представьте себе! – эта примадонна поднимает на меня свои прекрасные глаза и так обворожительно улыбается, что создается впечатление, будто она мне страшно рада! Я аж поперхнулся от неожиданности...

– Садитесь, – она похлопала ладошкой по скамейке и вновь улыбнулась. – Садитесь – что же вы стоите?

Да уж – надо садиться. Стоять и далее истуканом и молча пялиться на нее было просто неприлично. Осторожно присев на краешек скамейки, я озадаченно крикнул и выдавил:

– Я это... Ну, короче... Гхм, кхм... Вот.

– Ты хочешь меня? – тихо спросила она и пару раз хлопнула своими пушистыми ресницами.

Меня моментально бросило в жар. Я что – отстал от жизни и теперь совершенно другие нравы?! Или... или что?

– Вижу, что хочешь, – подытожила дама, не дожидаясь моего ответа. – Молчи, молчи – это написано в твоих глазах. Ты не думай – я не такая испорченная, как может показаться с первого взгляда. Я два года не знала мужской ласки – я... я избегаю мужчин. Но сегодня... – Тут она сладко потянулась и хрустнула всеми своими косточками, упругая грудь чувственно встопорщилась под блузкой. Я чуть в обморок не упал, ощущая, как деревенеет язык от внезапно охватившего меня желания.

– Я это... ну, короче... – Я досадливо крикнул, проклиная себя за косноязычность и неумение вести себя в столь однозначной на первый взгляд ситуации. – Я понимаю! Я тоже не каждый вечер хожу по улицам в поисках женщины, потому что... гхм, кхм... короче... вот.

– Мне кажется, я нашла родственную душу, – нежно проворковала она. – И пожалуйста, не удивляйся. Такое случается, может быть, раз в жизни...

– Я не удивляюсь, не удивляюсь я... – скороговоркой зачастил я. – Я все понимаю, понимаю... ты мне страшно нравишься, и я это... ну, короче...

– Довольно слов, – прекратила мои потуги незнакомка, вставая с лавки и беря меня за руку. – Здесь в парке много уединенных мест... Хочешь, пойдем куда-нибудь, и я... я буду твоей?

– Зачем в парке? – оживился я. – У меня свой дом – там никого нет. Берем такси – пять минут езды, и мы одни за глухим забором. Можно хоть всю ночь напропалую... э-э-э... напролет, ну того... короче, пошли!

И мы действительно пошли – ехать на такси она почему-то решительно отказалась. Позже я понял почему. Через пятнадцать минут мы добрались до моего хауса и оказались во дворе. Незнакомка наотрез отказалась заходить в дом, объяснив мне, что сегодня прекрасный вечер и ей хочется побыть на воздухе, слиться с природой, так сказать. И потом – любовь только тогда дает подлинное наслаждение, когда она не знает границ: стен, крыши, запретов и так далее...

– Возьми меня здесь, – прерывистым шепотом попросила она, указывая на свежевскопанную грядку для грядущей редиски. – Я хочу слиться с землей, хочу напитать себя ее соками! Возьми же!

Я не стал удивляться причудам доморощенной Таис Афинской: в тот момент мне было абсолютно по барабану, где и как – лишь бы побыстрее! Стеная от страшного возбуждения, я схватил прекрасное создание в охапку и повалил на грядку, ощущая, как трепещет подо мной горячее упругое тело. Одним резким движением задрал юбку, вторым резким движением растерзал трусики, нетерпеливо растолкал коленями ее ноги – она зачем-то пожелала сжать их, не давая мне добраться до ее лона, – и – вот он, желанный миг победы! – с натугой засадил по самое «здрасьте»!

И началось... Нет, началось совсем не то, что вы думаете: такие банальные эпизоды не стоят того, чтобы распространяться о них в деталях. Прекрасная незнакомка вдруг мертвой хваткой вцепилась в мои плечи и пронзительно заорала дурным голосом:

– Оооааа!!! Умираа-а-а-ю-ууу!!! Умираю!!!! – и начала так резко дергать тазом, что я всерьез обеспокоился по поводу сохранности своего детородного органа. Попытки закрыть ей рот успехом не увенчались – эта фурия начала кусаться, как некормленный аллигатор, вопли продолжали набирать интенсивность, и, казалось, конца не будет этому кошмару.

Надо вам сказать, что усадьба моя располагается отнюдь не на отшибе, а в самом центре улицы. На крики моментально сбежались соседи – благо калитка оказалась незапертой, – и вскоре в моем дворе скопилось изрядное количество любопытствующих очевидцев, в числе коих были участковый инспектор и участковый врач, мирно пившие на момент начала представления водку на веранде дома последнего.

Скандал был просто неопишуемый. Мне каким-то чудом удалось вырваться из цепких лап этого исчадия ада, но положение от этого только усугубилось. Моя прекрасная незнакомка начала бросаться на всех подряд присутствующих особей мужеска пола и пыталась совокупиться с ними, используя для этого самые невероятные приемы, наверняка не предусмотренные ни одним пособием по искусству восточной любви.

Надо отдать должное участковому врачу: он, несмотря на изрядную пьянственность, среагировал очень быстро. Моментально смотался к себе домой и притащил шприц с аминазином. Общими усилиями крикливая бестия была приведена в относительно неподвижное состояние, и доктор смачно вкатил ей укол – спустя малое количество времени она затихла.

Затем доктор пошел вызванивать бригаду скорой психиатрической помощи, а участковый начал разгонять публику по домам, увещевая присутствующих дежурными тирадами, типа: «Ну что вам тут – цирк, что ли? Что, никогда такое не видели? Давай по домам!»

Публика резонно возражала: нет, тут, конечно, не цирк, в цирке навозом воняет, но ТАКОЕ они действительно никогда не видели, даже в самых крутых порнушках.

Вскоре, однако, участковому удалось выдворить непрошенных посетителей. Доктор, переговоривший с коллегой, дежурившим по психдиспансеру, сообщил, что бригада будет минут через десять, – опасаться нечего. А еще он сообщил, что этот самый коллега, затребовав приметы впавшей в буйство милашки, заочно опознал ее и выдал на-гора весьма небезынтесную информашку.

Оказывается, эта бедолага некогда лечилась в психдиспансере от явно выраженной клаустрофобии, но, увы, не долечилась. Средств, что ли, там у них не было на полный курс, или ее выписали по графику, как резко идущую на поправку, – в общем, предрасположенность к заболеванию до сих пор имеет место: она у них числится на учете. А в процессе лечения дамочка приобрела еще один побочный недуг – по недосмотру персонала диспансера и вследствие тотального падения нравов как в стране в целом, так и в отдельных структурных подразделениях Минздрава.

Поскольку дамочка хороша собой, ее периодически использовали по прямому назначению хронически пьяные здоровенные санитары – делать им, знаете ли, вечерами на дежурстве нечего, вот они и развлекались как придется. А чтобы не создавать нездоровый ажиотаж, выраженный в брыканиях и криках используемой, ее, в целях экономии сильнодействующих транквилизаторов, тривиально дубашили по башке табуретом, дабы вела себя тихо. От этого у моей прекрасной незнакомки получилась опухоль мозга, ставшая причиной заболевания, именуемого в просторечии не иначе, как «бешенство матки»...

Вот такая трогательная история. Дня три после этого я не рисковал появляться на улице: во-первых, перед соседями было стыдно, а во-вторых, желание гулять вечерами почему-то напрочь отпало. Кто его знает, что там на уме у этих прекрасных незнакомок, разгуливающих в одиночестве вечерами в парках и с томным видом читающих на скамейках книжки.

Чуть позже выяснилось, что участковый настучал об этом случае Шведову, у которого он внештатно числился информатором (на дядю Толю, как мне кажется, полгорода работают таким вот образом).

Шведов меня сурово отчитал за шаловливое поведение и в сердцах заметил, что если я опускаюсь до собирания с улицы «всякой швали», то участь мою предсказать очень нетрудно. Кончится это тем, что в один прекрасный день меня пристрелят из-за угла какие-нибудь зловерные сутенеры, коих в Стародубовске пруд пруди, а если этого не случится, я все равно умру от СПИДа или какой-нибудь другой гадости.

На том участие полковника в решении моих секспроблем не закончилось. В этот же день он пригласил меня с собой на вечеринку, где познакомил с одной весьма недурственно сложенной дамой бальзаковского возраста, имеющей, ко всему прочему списку положенных достоинств, престарелого мужа-профессора – хромого, горбатого импотента, преподающего курс эстетики в Стародубовском университете.

Сразу после вечеринки мы отправились ко мне на хаус, где я с опаской овладел трепетным телом своей новоявленной пассии – все ждал, когда она начнет страшно кричать или выкидывать какие-нибудь коленца в том же духе. Однако обошлось – все получилось просто великолепно. Чудная ночь, шампанское, восторженные эротические стоны: будто в раю побывал.

А потом наступили суровые будни. Видимо, житие с профессором сказалось на характере моей любовницы – зовут ее Элен (так она требует), – очень скоро наши отношения

вошли в ровную колею и приобрели до безобразия упорядоченный вид. Теперь, когда Элен хочет секса (а случается это примерно через день – по графику), она приезжает ко мне, врывается в дом и, у порога стремительно раздевшись, решительным шагом проходит к столу, где выгибается в позиции № 19 (см. Учебное пособие для нижегородской школы сутенеров, раздел № 3, стр. 41) и командным голосом требует, похлопывая себя по попке: «Иди сюда, мой звереныш! Задай-ка жару этой негоднице!»

А когда я «задаю» – а бывает, что и не «задаю», – я же не агрегат, чтобы постоянно пребывать в готовности к процессу, – Элен так же стремительно одевается и убирается восвояси, на прощанье чмокнув меня в щеку. В общем, черт-те что и с боку бантик. Но пока, увы, я не решаюсь ничего поменять в этом порочном круге. В некотором смысле такие отношения меня даже устраивают – никто никому не обязан, и, если разобраться, мы оба совершенно самостоятельные люди, не нуждающиеся в сиюминутных сантиментах – знаем, чего хотим друг от друга...

Итак, ежевечерне я наведывался к полковнику, чтобы загрузиться полезной информацией об обстановке в ЗОНЕ и связанных с ней областях криминального бизнеса. Шведов довольно потирал руки: у новоявленной коридорной группировки и ее шефов, тех самых вредных дядек из верхнего эшелона, благодаря нашим потугам были весьма серьезные проблемы.

Во-первых, Рустем Гушмазукаев, потерявший единомоментно десять своих людей, партию оружия и так и не получивший обещанных иномарок, затеял вдумчивую разборку с «москвичами», чреватую абсолютно непредсказуемым финалом. Ни о каких деловых связях речи пока быть не могло – стоял вопрос, быть или не быть местного характера газавату между коридорной группировкой и кланом Рустема.

Во-вторых, как и ожидалось, проворный таксидермист Рашид Бекмурзаев, не вдаваясь в подробности, намертво поссорился с Рустемом и начал сезон охоты на предполагаемых виновников гибели двух своих парней. В прессе, чутко реагирующей на всякого рода «жареные» факты, стали появляться сообщения о непонятных убийствах некоторых товарищей, имевших определенный вес в коммерческих и правительственных кругах, но вроде бы не причастных ни к какому криминалу.

– Сдал Рустем своих «коллег» Рашиду, – убежденно заявил Шведов по этому поводу. – С потрохами сдал. Связи, имена, направления... Иначе откуда Рашид знает, в каком кругу открывать сезон охоты? Ты погляди, как мочит! – Полковник торжествующе тыкал перстом в газетный заголовок и плотоядно ухмылялся. – Какие там, в задницу, кодексы чести и мужское слово! Рустем еще пожить хочет... Бекмурзаевы его в порошок стерли бы, если бы вздумал покрывать своих «клиентов»...

В остальных сферах нашего приложения усилий дела обстояли тоже вполне приемлемо – особых проблем как с обитателями ЗОНЫ, так и с нашими российскими «сталкерами» пока не возникало.

В пятницу мы с мужиками начали собираться в рейд. Обычный многоцелевой рейд, имевший главной целью встречу с охотником за секретами Саидом, являвшимся едва ли не самым важным поставщиком наиболее ценной информации, которую мастер оперативного искусства Шведов умудрялся преобразовывать в зеленые купюры.

Обычный плановый рейд здорово отличается от операции, которую мы провернули у Сарпинского ущелья. Эту провокацию мы готовили более двух недель, тщательно оттачивая мельчайшие детали, проводя тренировки на местности и всесторонне изучая обстановку на предстоящем плацдарме боевых действий.

А в ходе планового рейда нужно было всего-то лишь прошвырнуться по заранее обусловленному маршруту, кое-что кое-где положить, раз-другой сделать небольшой шум и в финале встретиться с информатором. Всего-то делов! Да, совсем забыл: это простенькое

мероприятие необходимо провернуть так, чтобы нас в ЗОНЕ никто не засек, чтобы информатора никто из обитателей ЗОНЫ не заподозрил в причастности к его ремеслу – иначе жить он будет очень недолго, – и... постараться вернуться назад. Во так-то...

После обеда, когда мы с «агентами» выложили экипировку во дворе и подгоняли снаряжение, пожаловал озабоченный Шведов и пригласил меня проследовать к нему на хаус.

– А вы уверены, что я вам зандобился прямо сейчас? – недовольно пробурчал я в спину полковнику, вытирая на ходу о комбинезон вымазанные в оружейном масле руки. – Есть время собирать камни и время их разбрасывать...

– Пи...деть команды не было, – хмуро бросил Шведов, не оборачиваясь. – Там один козел приперся... Посредник позвонил – «крыша» просила помочь...

Я насторожился. Во-первых, полковник был не в духе – выражался он, только пребывая в сумеречном настроении. Во-вторых, козлами он обзывал исключительно иностранцев – сказывалась годами выработанная неприязнь к данной категории в бытность дяди Толи сотрудником ГБ. А поскольку полковник всю неделю в буквальном смысле парил над мирской суетой, окрыленный последним успехом, и насвистывал бравурные марши, можно было сделать вывод, что событие действительно из ряда вон.

– Переводить, что ли, буду? Англичанин? – робко поинтересовался я, входя вслед за Шведовым во двор его дома и с любопытством рассматривая невесть откуда припарковавшийся у крыльца пропыленный «Мицубиси-Паджейро», в котором сучали двое белобрых хлопцев с явно нероссийскими гладкими физиономиями.

– Ага, будешь, – согласился полковник, подталкивая меня к крыльцу. – Но не англичанин. Заходи, нечего пялиться...

В холле, в одном из глубоких кресел для гостей, восседал здоровенный мужлан лет сорока и от нечего делать глазел на коллекцию горских кинжалов, развешанных на бухарском ковре во всю стену. Был этот дядечка огненно-рыжий, конопатый до невозможности и, представьте себе, имел почти бойскаутский прикид: какие-то невообразимой расцветки шорты, рубашку с короткими рукавами, отнятую, по всей видимости, у пьяного морпеха американской армии где-то неподалеку от форта Брэгг, и десантные башмаки с толстой рифленой подошвой. Короче – фрукт. Было заметно, что этот «бойскаут» чем-то до крайности раздражен: пальцы его рук выбивали по подлокотникам кресла частую дробь и нервно подрагивали. Рта он пока раскрыть не успел, но было и так совершенно ясно, что ничего хорошего этот детина сказать не собирается.

– А где пробковый шлем? – поллюбопытствовал я, усаживаясь на краешек кресла напротив гостя.

– Какой шлем? – нервно вскинулся полковник, прямиком направившийся к бару и решающий, какую из бутылок выбрать. – У кого шлем?

– К такому прикиду в комплекте полагается пробковый шлем, – сообщил я игриво и тут же пожалел о том, что сказал: полковник колюче глянул на меня, тяжело вздохнул и неодобрительно покачал головой.

– Шутка! – фальшиво улыбнулся я и повторил для гостя: – Шутка!

Рыжий неопределенно пожал плечами и хмуро уставился на меня немигающим взором.

– По-русски понимает? – поинтересовался я у полковника.

– Ни бум-бум. Там в машине у него подручные. Один еле-еле шарит – как раз чтобы спросить, где туалет и как выехать из города... Этого козла ко мне «крыша» прислала, – повторился Шведов, протягивая гостю наполовину наполненный коньяком фужер. Тот одним махом высосал коньяк и не поморщился, а там граммов сто пятьдесят было, не меньше.

– Не наливайте ему «Метаксы», дядь Толь! – обеспокоился я. – Он вас по ветру пустит – глядите, как мечет!

– Они там совсем нюх потеряли, обормоты, – продолжил Шведов, не отреагировав на мое замечание, однако больше наливать гостю не стал. – Хотят, чтобы мы помогли ему там что-то проверить в ЗОНЕ. И тем самым якобы они дают нам возможность хорошо подзаработать... Хм... Нам что, может, объявление дать: «За хорошие бабки решаем проблемы в ЗОНЕ!!!» Нет, как тебе это нравится, а?..

Я сочувственно вздохнул: нет, это мне ни в коем случае нравится не могло. Мы до сих пор были живы и относительно здоровы только благодаря исключительной конфиденциальности отношений Шведова с «крышей» и тщательной конспирации. Если бы не жесткое соблюдение этих требований, нас давненько бы уже стерла в порошок общероссийская чиновничья мафия, несущая благодаря деятельности команды огромные убытки. Хотя нет – раньше этой самой мафии нас бы успела растерзать на мельчайшие частички конфедерация горских народов – не та, что заседает в Минводах на сессиях, а та, что держит «шишку» в ЗОНЕ. А теперь получается так, что о существовании команды, которая может решать какие-то проблемы в ЗОНЕ, знает посторонний – мало того, иностранец! Да что там «знает»? Вот он, сидит здесь, выпивши коньяку по двести баксов за бутылку, и любителю на нас. Увидел, узнал местонахождение команды, запомнил в лицо...

– Может, Лося позвать? – осторожно высказал я предположение. – «Крыша» наша действительно... того.

Полковник тяжело задумался, изучая профиль гостя сбоку, – в глазах его я прочитал страшные сомнения. С минуту поглазев на рыжего, Шведов пошел в спальню, сообщив мне:

– Сейчас звякну, ты пока займи этого...

– Ага, – согласился я, проводив взглядом полковника, – у него в спальне установлена аппаратура связи, снабженная новейшей системой защиты от прослушивания и устройством кодирования: если кто и ухитрится залезть на «провод», он услышит что-то типа «бульк-бульк» или еще что-нибудь невразумительное в том же духе. – Вы англичанин? – поинтересовался я по-английски, ласково глядя на рыжего. – Я буду выступать в роли переводчика... Как добрались?

Рыжий высокомерно посмотрел на меня и презрительно фыркнул.

– Вот и выступайте на здоровье. – Он почесал указательным пальцем свой породистый нос, пренебрежительно махнул рукой и внезапно разразился длинной тирадой: – А пока переводить нечего – шеф ваш отсутствует. Зачем вы лезете со своими дурацкими вопросами? Или у вас так принято – за спиной у начальника пытаться завести с клиентом какие-то шашни? Вы просто мебель, а мебель, насколько мне известно, не должна иметь своего мнения. А произношение у вас просто ужасное: как у пьяного докера-заики, прошедшего неполный курс лечения у бездарного логопеда! Если бы вы работали переводчиком у нас, то давно подошли бы с голоду... И потом – с чего это вы взяли, что я англичанин? У меня что – табличка на груди висит?

Я растерянно хмыкнул и почувствовал себя лишним в этой комнате. Вот так занял! Нет, парень, если полковник будет сомневаться по поводу решения твоей участи, я не стану отговаривать его прибегать к услугам Лося.

– Ну и что ж вы замолчали? – раздраженно поинтересовался рыжий после некоторой паузы. – У вас что – язык отвалился?

– Я мебель – как вы сами изволили заметить, – улыбочиво ответил я, думая, как хорошо было бы зарядить этому наглому мужлану в репу и пару раз одеть его на колено – спеси бы поубавилось моментом! – А у мебели не может быть своего мнения. Да и потом – к чему лишний раз раздражать вас своим докерским произношением? Придет шеф – тогда будем общаться в контексте деловых переговоров.

– Вы еще пытаетесь острить! – Рыжий скорчил презрительную гримасу. – С вашим-то интеллектом! С вашим-то произношением! Знаете, со стороны это выглядит, как будто пьяный докер-заика попал по ошибке в какой-нибудь престижный клуб и изо всех сил пытается быть похожим на его постоянных клиентов!

– Если бы вы не были гостем моего шефа, я бы давно уже набил бы вам лицо, – все так же улыбаясь, оборвал я собеседника. – У нас это называется «нарываться» – то, как вы себя сейчас ведете. Вы просто пользуетесь обстоятельствами – знаете, что вас никто здесь тронуть не посмеет, – вот и выделяетесь.

Гневно сверкнув глазами, рыжий привстал из кресла и, сжав правую руку в локте, потыкал пальцем в свой внушительный бицепс.

– Я вас убью одним ударом, – сообщил он, пристально глядя мне в глаза. – Я профессионально занимался боксом более десяти лет – выступал в тяжелом весе за свой университет... – Тут он озабоченно нахмурился и поинтересовался: – Вы знаете, что такое университет?

– Судя по вашим манерам – это такое бардачное местечко, куда набирают патологических уродов с наинижайшим «ай-кью» и готовят из них докеров, – вежливо ответил я, изо всех сил стараясь облагородить свое «докерское» произношение. – Недаром вы так часто о них вспоминаете... А ваш бицепс и ваши боксерские успехи мне абсолютно по барабану. Хам должен быть наказан независимо от размеров бицепса – у меня такое правило. Но вы – исключение. Можете хамить сколько влезет – я вас не трону.

Рыжий внезапно вскочил, выдернул из нагрудного кармана блокнот с ручкой и, выдрав страницу, протянул ее мне.

– Пишите расписку! – требовательно произнес он. – Немедленно!

– Но позвольте! – удивился я. – Какую расписку? В чем?

– В том, что вы не имеете претензий ко мне за нанесенный физический ущерб! – Рыжий бросил ручку с листком на стол и наставил на меня указательный палец. – Сейчас мы с вами будем проводить честный бой. Я не терплю, когда чумазные докеры пытаются надсмехаться надо мной! Пишите!

– Никаких боев, – категорично отказался я, покосившись в сторону спальни полковника. – Вы гость, и я не буду с вами драться, я же сказал...

– А-а-а-а! – обрадовался рыжий. – Вот оно что! Да вы просто трус! Наглый, лживый, низкий, чумазный трус! Наговорили тут целую кучу, а потом в кусты... И что, у вас в команде все такие? Вот это мне дали рекомендацию! Вот это я попал! А я-то рассчитывал... Все, я уезжаю. Жаль, столько времени потерял...

– Одну минуту, сударь. – Я взял листок с ручкой и с большим трудом нацарапал по-английски: «Нет претензий за телесные разрушения» – ничего более подходящего припомнить не мог.

Схватив листок, рыжий прочел мои каракули, саркастически ухмыльнулся и спрятал расписку в карман.

– А теперь иди сюда, мой грязный докер. – Он вдруг стремительно ухватил меня за руку и выволок одним рывком на середину комнаты.

Опп-па! – увесистый кулак рыжего со свистом рассек воздух над моей головой – в последний момент я таки умудрился освободиться от захвата и чуть-чуть присесть.

Щщщух! – второй кулак не замедлил последовать за первым – я опять присел, пропуская над головой хороший свинг, выполненный с глубочайшим знанием дела. Ну а далее все пошло по-старому, давно надоевшему сценарию. Не в моих правилах давать людям с такими физическими параметрами долго махать руками – эдак недолго и в реанимацию угодить. Нырнув под левую руку рыжего, я с удовольствием совместил его солнечное сплетение со своим коленом и, чуть завалившись вправо, мягким маховым ударом ноги угостил боксера

по затылку. Никакого травматизма – только легкий нокдаун. Это же не враг, которого можно убить встречным ударом в сердце.

Рыжий тяжело рухнул на пол и скрючился, как червяк, хватая воздух побелевшими губами. Из спальни показался Шведов – очень вовремя!

– Не понял! – начальственно скривился полковник, с неудовольствием глядя на поверженного гостя. – Что это вы тут?!

– Вы сказали – занять, – флегматично ответил я, восстанавливая дыхание и усаживаясь в кресло. – Я занял. Гость имел желание удостовериться в бойцовских качествах рекомендованных ему «крышей» товарищей. Результат налицо...

– Совсем сдурел, – сокрушенно пробормотал Шведов, помогая гостю подняться. – Разве можно с такими, как ты, драться?

– А я ему объяснял, – сообщил я. – Он не поверил. Сказал, что зря потратил время – с трусами-де ему не о чем разговаривать. Пришлось отстаивать честь мундира. Так что – я не виноват.

– Мне бы в ванную, – внезапно прорезался рыжий, одной рукой вытирая проступившие слезы, а другой держась за грудь. – Привести себя в порядок... Да и в туалет захотелось что-то – по-большому...

– Чего он? – встревожился полковник. – Плохо? Сердце?

– Срать хочет, – успокоил я шефа. – Покажите ему, где сортир.

– А-а-а, вон что... Это можно. – Полковник нежно обнял рыжего и поволок его в прихожую. Спустя десять секунд он вернулся и выдал следующую информацию: – Сказали, что надежен. Типа того, сам мафиози еще тот – понятие о конфиденциальности имеет. Сказали, что очень нужный товарищ. В общем, будем беседовать...

Минут через пять рыжий присоединился к нам. Поведение его резко изменилось – создавалось такое впечатление, что полученная взбучка вдруг пробудила в госте цивилизованную сущность, отряхнув налет хамоватости и вернув светские манеры.

– Прежде всего я прошу прощения за то, что вспылил, – смиренно заявил рыжий, обращаясь ко мне. – Знаете, я проделал долгий путь, и по дороге мне попадались почему-то в основном одни мерзавцы. В вашей стране, как мне кажется, все отчего-то желают обмануть клиента, украсть у него деньги, машину, всячески смошенничать... Мы были просто шокированы... Ну да не в этом дело. Я страшно спешил. Я очень надеюсь, что проделал столь долгий путь не зря и мои знакомые в Москве правильно меня ориентировали. А пока... Пока я, по крайней мере, убедился, что люди из вашей команды выдержанны, рассудительны и... и прекрасно подготовлены физически. В общем, будем работать.

– Чего это он затараторил? – удивился Шведов. – То молчал как истукан, а сейчас шпарит всюю... Ты ему ничего не повредил?

– Он благодарит за преподнесенный урок вежливости, – лаконично перевел я. – И рад, что наша «крыша» его не обманула, рекомендовав нас как хороших специалистов.

– Ну и ладушки, – удовлетворенно пробормотал полковник. – Теперь всех, кто к нам припрется от «крыши», будем сначала крепко бить, а потом уже беседовать. Давай переводи.

И я начал переводить... Когда рыжий полностью представился, я слегка обалдел, да и полковник тоже. Социальные параметры гостя никоим образом не сочетались с его затрапезным внешним видом. Зовут его Грег Макконнери, шотландец американского происхождения, сорок четыре года, а выглядит, надо вам сказать, лет на пять моложе – наверно, питается правильно, не жрет холестерин с пестицидами и прочую дрянь. И уж никак не вяжется род его деятельности с незаурядной антропометрией. Парень может хоть завтра выдвигать свою кандидатуру на Мистер Вселенная, а между тем он всего-то лишь профессор медицины.

– Каждый шотландец – спортсмен от рождения, – пояснил Грег, когда я выразил свое недоумение несоответствием внешнего облика с его статусом. – Судьба всегда была к нам

сурова и предъявляла повышенные требования. Спортивная статья – это своеобразная природно-компенсаторная функция...

Грег тут же смущенно признался, что в последнее время он мало практикует – в основном занимается проблемами административного характера. Он является владельцем одной из лучших в США хирургических клиник, которая приносит просто фантастический годовой доход. Процветанием своим клиника в немалой степени обязана его, Грега, организаторским способностям.

– Сколько, сколько? – заинтересовался Шведов.

– Не скажу, – лукаво улыбнулся шотландец. – Пусть это будет моя маленькая тайна...

Затем Грег нахмурился и перешел к делу. Известно ли нам что-нибудь о нашумевшем убийстве в Чеченской Республике группы иностранных врачей?

Мы с полковником переглянулись. Ну разумеется, нам об этом известно. В свое время «крыша» очень настойчиво требовала отловить в море ежедневно поступающей информации хоть какие-нибудь сведения неординарного характера, касающиеся этого зверства. Кое-что мы отловили, но конкретно зацепиться за что-либо не удалось. Некоторые тайны Ичкерия хранит очень стойко, как старого образца девственница свою целостность. Прежде чем ей, мерзавке (ну не Ичкерии, разумеется, а девственнице!), засадишь как следует, весь потом изойдешь и устанешь, будто вагон с металлоломом разгрузил. Достаточного стимула и строго определенных условий для полной разработки этого материала не было – вот мы и не стали упираться в свое время. Хотя по свежим следам наверняка можно было что-нибудь раскопать. Подключили бы всех информаторов, залезли бы в ЗОНУ на месяц – глядишь, и был бы результат. Но сейчас – поздно. Прошло много времени, и можно с уверенностью сказать, что, даже если мы со всей серьезностью включимся в работу, результат будет малоутешительный.

Примерно так я Грегу и сказал – лишь чуть подкорректировав подачу, – чтобы он сразу не обрывал разговор, а выложил все, что у него на уме. А потом поинтересовался: а какое ему дело до тех убитых врачей?

– Понимаете, у нас, в среде хорошо обеспеченных людей, принято заниматься мизеркордией, – пояснил шотландец. – Вот и моя жена, Нелли, – она тоже уделяла этому вопросу большое внимание...

– Мизер... чем? – заинтересовался полковник, уловив чутким слухом странное словечко.

– Ну, в буквальном смысле – благотворительностью, – интерпретировал я высказывание шотландца. – С жиру там бесятся – денег куры не клюют, а потому делают что-то бесплатно: и непременно какую-нибудь неблагодарную, грязную работу.

– Маньяки, короче, – резюмировал полковник. – Трудоголики херовы.

– Точно, – согласился я. – Нам бы их проблемы!

Далее, однако, наше игривое настроение резко пошло на убыль. Грег, отвернувшись в сторону, стиснул зубы и тихо пробормотал – я с трудом сумел понять его:

– Моя жена Нелли... Ну, в общем, ее никто не заставлял туда ехать – она сама... Она тоже была среди тех врачей – там, в Чечне. Ее убили... Именно поэтому я и приехал сюда, к вам...

Мы скорбно примолкли и из солидарности потупили взгляды. Что ж – знакомое дело: горе у человека. Понимаем мы это, сами такие. Пришлось в свое время испытать.

– Однако чего же он хочет? – поинтересовался Шведов после продолжительной паузы. – Расследование по данному факту до сих пор проводится, данные, какие можно, уже опубликовали – все шито-крыто... Может, он хочет прошвырнуться по Чечне к месту злодеяния – цветы на могилку возложить?

Оказалось, что Шведов почти угадал. Да, шотландец хочет прошвырнуться. Но не возложить. Возлагать не на что. Тела убитых уже давно эвакуировали на родину и с почестями похоронили. А хочет Грег, чтобы мы помогли ему найти убийц его жены и... и вывезти их за пределы Ичкерии.

– Зачем? – искренне удивился полковник. – Зачем за пределы?!

Тут шотландец вновь утратил респектабельный облик и зачастил скороговоркой: я едва успевал переводить.

Оказывается, он не просто так, не сам по себе с неба свалился. За спиной его стоит могущественный шотландский клан, который имеет огромный вес не только в Штатах, но и во всем цивилизованном мире. Этот клан владеет мощными предприятиями, огромными территориями, обладает фантастическими средствами и заметно влияет как на экономику Штатов и европейского сообщества, так и на политические отношения между государствами. Это решение клана – найти преступников и вывезти их за пределы Ичкерии. На одном из островов Атлантического океана стоит огромный родовой замок семейства Макконнери. И остров, и замок – частная территория, и хозяева сами диктуют там свои законы. Короче, что хотят, то и творят. Так вот, отловленные преступники будут водворены в замковую тюрьму, а затем на остров соберутся представители клана и будут судить негодяев справедливым судом средневековья...

– Так-так, а что это за суд такой? – заинтересовался Шведов. – Зачитали приговор – и башку долой?

Грег, несмотря на мрачное настроение, нашел в себе силы снисходительно улыбнуться. Право, дикие вы, ребята, – таких элементарных исторических азов не знаете... Каждому преступнику будет предоставлена альтернатива: доказать свою непричастность к злодеянию, искупавшись в трехкубовом чане кипящей смолы, или сразиться с одним из воинов клана на мечах без доспехов. Бой насмерть, без каких-либо правил: пока один из противников не будет убит. Альтернатива вполне справедливая: если подозреваемый выйдет живым из чана с кипящей смолой, значит, состоялся Божий суд, и он невиновен – пусть убирается ко всем чертям. Если подозреваемый выиграет сражение с одним из воинов клана – то же самое.

– Бред сумасшедшего, – полковник укоризненно покачал головой. – Выйти живым из чана с кипящей смолой... Ха! Во дают... Ну а ежели, предположим, кто-то из этих преступников вдруг уделает их воина? Такой вариант, я полагаю, вполне допустим.

– Все взрослые мужчины рода Макконнери профессионально владеют мечом, – снисходительно пояснил Грег. – Это родовое искусство, оно передается по наследству и оттачивается столетиями. Я, например, вооруженный мечом, могу противостоять десятку атлетов с аналогичным оружием. Я могу пошинковать мечом морковку для заправки – она будет выглядеть так, будто ее приготовили в электроовощерезке... Да, кстати, – у вас нет меча? Я могу продемонстрировать свою технику на практике!

– Нет-нет, меча у нас сроду не было, – поспешно успокоил я Грега, даже не переводя его высказывание полковнику. – Мы верим вам, верим...

Итак, профессор медицины Грег Макконнери, сэр Ланселот Шотландский, нам все поведал без утайки. А теперь мы просто обязаны все бросить и отправиться с ним отлавливать злобных убийц его жены и затем тащить их волоком за пределы Ичкерии. Очень приятно...

– Совсем с глузда съехал, – резюмировал полковник, когда Грег умолк. – Нет, ты точно ему там что-то повредил! Нашел дураков: отправляться в Чечню и тащить оттуда целую кодлу бандюков... Проще в Африку смотаться пешком и слона оттуда притащить! Н-да... И сколько он предлагает за эту затею?

Оказалось, что предлагает не он. Это клан принял решение, и клан же платит за услуги. Семейство Макконнери готово выложить за работу... пять миллионов баксов!

– Я не ослышался? – тихо переспросил Шведов. – Сколько он сказал?

– Пять миллионов, – подтвердил профессор. – Плюс все расходы на организацию предприятия. Эти затраты клан также берет на себя...

Ну что вам сказать? Внешне идея Грега выглядела, конечно, очень красиво и романтично, как в средневековом романе. Скажи он нам притащить с той же целью какую-нибудь бандитскую группировку из самого сердца России, мы бы немедленно все бросили и галопом поскакали воплощать в жизнь этот детективный сюжет. Но речь шла, спешу напомнить, о Чечне. Мы прекрасно изучили данный регион и ни капли не сомневались, каковы могут быть результаты подобной авантюры в этой республике. В свое время мы утащили из Ичкерии двух товарищей, причастных к деятельности коридорной группировки Лабаза, – было дело. Но осуществить эту операцию, которая тщательно готовилась не одну неделю, нам помогла целая цепочка обстоятельств, в буквальном смысле дарованных судьбою. Во-первых, административный район, где эти ребяташки функционировали, расположен чуть ли не у самой границы с Россией. Во-вторых, мы знали, кого надо брать, и не было необходимости проводить на месте тщательное расследование, каковое, повторюсь, в условиях Ичкерии совершенно невозможно. В третьих, субъекты эти были вполне цивилизованные, не какие-нибудь обкумаренные наркаши, которым по барабану не только судьба своих близких, но и собственная жизнь: можно было давить на них, манипулируя общепринятыми понятиями о родственных отношениях и тревогой за сохранность их семейства. А в случае с убийцами жены Грега все обстояло иначе. Предполагаемый район проживания злодеев располагается на значительном удалении от границы. Судя по характеру преступления, контингент подозреваемых еще тот: наверняка последние ублюдки без страха и упрека – короче, конченные твари, которым давно надоело жить. Кого конкретно брать, мы не знаем. Значит, надо выдвигаться всей капеллой в глубь Ичкерии, проводить скрупулезное расследование, а после – если повезет кого-то найти – аккуратно захватить их, обезоружить, повязать и волоком тащить через всю Чечню. В общем, ненаучная фантастика...

– Давайте сделаем так, – решил Шведов после продолжительного раздумья. – Сейчас я вас устрою в гостиницу, отдохнете с дороги... А ночью мы прокачаем все варианты возможных действий. И утром выдадим вам результат. И... и не обессудьте, если этот результат будет отрицательным. Потому что проект ваш, прямо скажем, практически неосуществимый...

Всю ночь напролет мы с полковником занимались вычислениями. Нет, мы сразу определились, что вся эта авантюра абсурдна и надеяться нам не на что. Но сумма, сумма... Пять «лимонов» баксов – это вам не хот-дог в сортире трескать! Столь заманчивая сумма стоила того, чтобы провести бессонную ночь в поисках путей ее получения, пусть весьма расплывчатых и эфемерных, тем не менее.

А утром прикатил хмурый шотландец, и мы деликатно показали ему кукиш. Нет, мы не совсем очерствели, промышляя ратными делами, и, когда нужно, умеем тонко чувствовать чужое горе. Но мы не авантюристы. На первом месте в нашем деле стоит трезвый расчет. Сначала все рассчитай, а потом иди работать: так мы привыкли. Иначе жизнь твоя будет очень безрадостной и совсем недолгой. А в данном случае имела место голимая авантюра: совершенно никаких проблесков!

– Хорошо, я все понимаю, – сухо сказал Грег, расставаясь с нами. – Но я с вами не прощаюсь – на всякий случай. Что-то около месяца я буду жить в Москве – попытаюсь организовать экспедицию в Чечню. Если не найдутся люди, которые смогут помочь мне в этом предприятии, я буду все делать сам. Потому что клан не приемлет ссылок на невозможность выполнения своего решения. Нужен результат... Может, за это время обстановка изменится – если будут какие-то сдвиги в этом деле, вы в течение месяца сможете найти меня через наших общих знакомых. Удачи...

Затем он сел в свой «Мицубиси» и укатил. А мы с полковником еще долго стояли у ворот и молча смотрели вслед удаляющейся машине. Пять миллионов долларов, помахав нам ручкой, стремительно уносились в небытие...

Глава 4

Легкий, почти невидимый дым от подернутых пеплом углей небольшого костра мягко расстилается по дну ложбины. Ласкает взор безграничная панорама величавых заснеженных пиков, до которых, кажется, можно дотянуться рукой. Бездонно-голубое небо гор, без единого облачка, лживо обещает вечное благоденствие теплого лета. И хотя верить ему не стоит – август на дворе, первые ночные заморозки вот-вот грянут, – хочется, искренне обманувшись, отдаться в объятия великолепной горской природы и часами валяться на начинающей желтеть травке, умиляясь тихой идиллией, предстающей взору.

Мы с Саидом сидим у костра и вяло потребляем сочный шашлык из неполовозрелого барашка, запивая его молодым вином. Вяло не потому, что мясо невкусное – шашлык просто обалденный! – а в связи с тем, что съедено уже изрядное количество: не лезет больше.

Неподалеку от нас, в кустах под раскидистым кленом, дремлют Барин и Клоп – накануне они славно поработали и теперь пожинают заслуженный отдых перед завершающим туром круиза «пограничье – ЗОНА – пограничье». Остальные члены команды тоже здесь, рядом: искусно замаскировавшись, валяются себе на взлобках, слегка возвышающихся над ложбиной, и лениво ведут наблюдение каждый в своем секторе.

Отдыхаем мы. Встреча с информатором Саидом – последняя задача рейда. Почти двое суток напролет мы ударно вкалывали, не покладая рук, ни на минутку не присели. В многоцелевом рейде всегда так: грамотно напакостил на одном участке, и тут же надо делать ноги – стремительно уходить в другое место. Иначе отловят, как обожравшегося по осени зайца, задремавшего под кустиком, – у волков в ЗОНЕ феноменальное чутье, малейшая ошибка – и привет. Ничего особенного в этот раз мы не делали. Клоп с Бариним установили фугасные системы с часовым механизмом на двух горных тропах, которые использовали зоновские «сталкеры» для проводки малогабаритных грузов, – когда мы убрались из того района достаточно далеко, обе системы дисциплинированно рванули, взвив черные клубы дыма. Теперь там голые стенки с отрицательным углом, доступные только для опытных альпинистов при соответствующей экипировке – Клоп никогда не ошибается в расчетах. Затем мы всей капеллой, под руководством Клопа, монтировали минное поле в седловине неподалеку от границы – там в последнее время повадились шастать какие-то «незарегистрированные» караваны с нашей стороны. Конкретно взять их за вымя мы пока не удосужились – все не до того было, – но скоро познакомимся поближе. У нас всегда так: если начинаешь разрабатывать какую-нибудь громоздкую провокацию типа Сарпинской, повседневные дела моментом приходят в упадок. Обычно на подготовку таких операций уходит от двух до трех недель напряженного труда всей команды – с полной отдачей сил и интеллекта. В этом определенная специфика нашего предприятия. Если с хорошо вспаханным и умело обработанным полем за две недели отсутствия хозяев ничего не случится (оно никуда не убежит и не успеет наглухо зарости бурьяном), то с нашей «землицей» такие штуки не проходят. Две недели – слишком большой срок для ЗОНЫ, которая на свой лад перекраивает общеупотребимые понятия о пространственно-временных параметрах: моментально появляются свежепротороенные тропки и образуются в самых неподходящих местах новые пути, по которым прет в обе стороны неорганизованная черная сила, движимая желанием баснословной наживы. Так было и будет всегда, как ни пыжится Шведов, уверяя московскую «крышу» в том, что наша команда держит ЗОНУ под строгим контролем, конца-краю этому противостоянию в обозримом будущем не видно. Не хватает нас на всю ЗОНУ... Единственным ощутимым результатом данного «соцсоревнования» является тот непреложный факт, что всякая тварь в ЗОНЕ, так или иначе связанная с ней, знает: есть грозная сила, противостоящая существующему порядку вещей. Знает и опасается: иной «сталкер» десять раз подумает, прежде чем совать свой грязный

нос в наши дебри... Помимо установки минно-взрывных заграждений, мы обвалили три колодца на караванных путях, уничтожили переправу через горный ручей (восстанавливать будут минимум дней пять) и под занавес – совсем недалеко от точки встречи с Саидом – написали флуоресцентной краской на камне у лесной дороги: «Не ходи на Русь, чечен! Там живет твоя смерть...» Последнее было исполнено из хулиганских побуждений – этот пункт программа рейда не предусматривала...

И вот команда отдыхает в преддверии последнего броска к границе. Поели от пуза шашлычка, попили винца – спать хочется, удержу нет. Я поглядываю на сторожевое охранение: парни грамотно борются с коварной дремотой. Джо через каждые десять секунд тычет себя в нос соломинкой – ощущение не из приятных, нос у Джо покраснел, как у алкаша в последней стадии. Сало оперся спиной на ствол автомата – чуть задремлет, и сразу же глушак вонзится под лопатку. В том же духе исхитряются Лось и Мент.

Нельзя спать охраняльщикам. Несмотря на то, что граница недалеко – часа три пешедралом, – здесь все еще земля ЗОНЫ, где, напоминая, целая куча крутых хлопцев, которые могут вырезать в один момент всю команду – «мама» сказать не успеешь.

В самом начале нашей деятельности, примерно в такой же ситуации, – на встрече с информатором (Грича Толхаев его звали, упокой Аллах грешную душу двурушника) – мы неосмотрительно расслабились и чуть было не стали добычей одной симпатичной банды, промышлявшей километрах в сорока севернее того места, где мы сейчас находимся.

Гостеприимство горцев не имеет границ – если ты приперся к нему действительно в гости, а не воевать пришел. Горец умеет так ублажить посетителя, что тому кажется, будто он является по меньшей мере центром мироздания и вообще цаца неопишущая. Славянину такие приемы чрезвычайно льстят – беря во внимание наши обычные взаимоотношения в повседневной жизни. В тот раз мы всем скопом на эту штуку купились, несмотря на то, что все парни тертые и битые – дальше некуда.

Грича забил барана, наготовил шашлыка, выкатил две канистры отменного домашнего вина... В общем, обожрались мы, упились и уснули, аки младенцы безгрешные. А когда проснулись, нас уже активно вязали резвые хлопчики из банды Лемы Сатуева, УАЕД⁴, заблаговременно предупрежденные за десять штук баксов вреднучим Гричей.

Ситуацию тогда вытащил Лось. Он сумел обезоружить одного неловкого парнишу ичкерского происхождения и в буквальном смысле перещелкал бандюков как утят – и всего-то за каких-то десять секунд...

От того достопамятного обеда у меня остался глубокий шрам на бедре – двое сатуевцев успели открыть ответный огонь, и зацепило по касательной. А еще у каждого члена команды в душе остался неприятный осадок. Теперь все мы испытываем неудобство оттого, что обязаны жизнью Лосю – киллеру по призванию, получающему острое удовлетворение от актов умерщвления себе подобных. Нет, мы все – профессиональные убийцы – это непреложная составная часть ратного труда, но... но мы делаем это из-за суровой необходимости и под давлением обстоятельств: потом эти жмурики частенько посещают наши сны и таращатся из непроглядной тьмы пустыми глазницами, зовя к себе в небытие...

А Лосю ничего не снится. У него после каждой бойни заметно повышается жизненный тонус – жрет, сволочь, с невероятным аппетитом, ласково мурлычет под нос какие-то веселенькие мелодии и остервенело пользует Ирку с Галькой. Короче, тащится он от этого...

Итак, все поели-попили и более-менее комфортно отдыхают. Все, кроме меня. Сейчас, когда команда восстанавливает силы, мне предстоит прилежно поработать мозгами, про-

⁴ Далее я именно так буду для краткости обозначать участь товарищей, которые в результате общения со мной и моей командой угодили в мир иной: УАЕД – упокой Аллах его душу – для мусульман и ЦН – царствие небесное – для остальных категорий.

качать всю информацию, которую выдаст на-гора Саид, хорошенько запомнить главное и поставить задачи информатору, обсудив с ним направления дальнейшей деятельности.

Я подливаю Саиду вина – слежу, чтобы его стакан был полным. Авось накачается и вывалит что-нибудь лишнее, не запланированное к подаче. Хотя шанец сей слишком прозрачный: с таким волчарой, как Саид, подобные штучки не проходят. Сколько раз пытался его напоить – КПД ноль. Было дело, даже спирт прихватывал с собой для этой цели: вылакал, чеченюга, пол-литра, запивая вином, и только слегка окосел – язык начал заплетаться.

Лишнего он никогда не скажет, даже под страхом смерти. Имел случай убедиться в этом.

Саид наблюдает за моими телодвижениями и приветливо улыбается. Со стороны можно подумать, что любит меня как единственного сына. Но впечатление это обманчивое – я-то знаю. В ЗОНЕ отношения между людьми резко отличаются от тех, что имеют место в цивилизованном обществе. Разумеется, и в цивилизованном обществе тебе могут нагло врать, улыбаясь в глаза и обзывая про себя последним идиотом. Но здесь, если человек тебя хвалит и лучисто щерится в доброжелательной улыбке, это вовсе не значит, что он не засадит тебе нож под лопатку, едва ты отвернешься от него...

– Ну давай – за что там? – пытаюсь отыскать я повод для тоста. Саид улыбается. В принципе можно не лицедействовать – мы уже давненько знаем друг друга и понимаем, что нужно каждому из нас. Однако ритуал есть ритуал: все должно идти, как установлено по правилам неписаной игры...

– Во! Вспомнил! – проясняюсь я. – Давай за дружбу между народами! Чтобы не было интернациональной вражды и – как в старые времена – все люди – братья. Давай, – мы чокаемся и медленно опустошаем стаканы. Саид неопределенно хмыкает и неспешно жует кусок хорошо прожаренного мяса. По лицу видно, что не верит он в дружбу между народами. Ему с детства, как и каждому чеченскому пацану, прививали твердую уверенность в том, что основной враг Чечни – Россия. Что русские – это сатрапы, жандармы и палачи всех горских народов, историческая практика имеет массу тому примеров. А перебороть ту программу, которую с младых лет вкладывало в тебя клановое окружение, практически невозможно – особенно, если нет предпосылок для этой борьбы. Мы – враги пожизненно, так предначертано судьбой. И тот факт, что Саид работает на нас, вовсе не означает, что этот коренастый мужик с умным взглядом внезапно перестроился и поверил в торжество социалистических идей. Просто в свое время нам посчастливилось загнать его в безысходное положение – деваться ему было некуда. И потом – мы хорошо платим за услуги и стараемся всячески беречь такой ценный кадр. Он верит, что мы не дадим его в обиду, пока заинтересованы в сотрудничестве, а мы знаем, что информатор у нас на крепком крючке и никуда не денется с подводной лодки. Вот и трудимся – к обоюдному удовлетворению.

В свое время Саид работал на Лабаза, или, если быть более точным, на коридорную группировку, созданную вредными дядьками из верхнего эшелона. Когда мы вырезали группировку, Шведов долго беседовал с Лабазом на предмет добровольной выдачи наиболее интересных сведений о работе группировки в ЗОНЕ. Поскольку полковник, за неимением в тот момент «сыворотки правды» (напряг был с пентоналом), использовал в качестве аргументов примитивные орудия пытки, Лабаз честно и правдиво выдал все, что знал, и, как мне кажется, насочинял целую кучу – лишь бы оставили в покое многострадальную плоть.

Надо заметить, что полковник слегка переусердствовал с методами «активного дознания» – в конце задушевной беседы Лабаз помер от болевого шока. Ну да это не суть важно – специфика работы такая, – а важно то, что в числе прочих секретов поведал Лабаз о существовании Саида, который прилежно пахал на группировку за хорошие бабки. И расписал его качества как нечто особенно выдающееся: пятьдесят процентов успеха группировки зависело именно от сведений, поставляемых этим чудо-информатором.

Помнится, послушав кассету с записью его показаний, я лишь ухмыльнулся. Период, знаете ли, тогда был такой – я свято верил в вездесущность полковника Шведова, его глобальные информационные возможности и в то, что основным залогом успеха являются слаженность команды и умение действовать в бою. Наглядный пример был налицо: команда в девять человек, возглавляемая состоящим в розыске полковником, ухайдакала к чертовой матери группировку в полста рыл, состоящую под «крышей» могущественных товарищей и имевшую в ЗОНЕ вот таких информаторов, как Саид, – ни первое, ни второе не спасли ее от гибели.

Немного позже, погрузившись в перипетии и хитросплетения существования ЗОНЫ, я понял, что Лабаз несколько не преувеличивал, превознося роль этого чеченского Абеля.

Угли костра постепенно гаснут – дым уже не стелется по дну ложины. Саид незаметно озирается по сторонам и начинает выдавать информацию. Беседу ведем на чеченском: отчасти потому, что «агентам» вовсе необязательно знать больше, чем положено, отчасти из-за моего желания попрактиковаться в чуждой разговорной речи – я никогда не упускаю подобной возможности.

Новостей – куча. Если послушать со стороны, может показаться, что Саид неспешно пересказывает основные события последних дней, происходящие в ЗОНЕ. Но показаться так может лишь дилетанту. Этот парниша обладает талантом вычленять из нагромождения ежедневной информации такие детали, ухватившись за которые умелый аналитик доведет дело до логического завершения и выложит на блюдечке сногсшибательную версию, процентов на девяносто отражающую истинное положение дел. Полковник Шведов как раз и является таким аналитиком. Получив от меня подробный пересказ, он сопоставит ряд фактов с информацией других источников и все занесет в свой компьютер, который хранит все секреты ЗОНЫ и близлежащих окрестностей. Я – лишь передатчик. Послушал – запомнил – пересказал. Вот некоторые фрагменты – чтобы вам было понятно, о чем речь...

– На базарах появились компьютеры, – Саид смотрит на меня и, не уловив нужной реакции, уточняет: – На многих базарах появилось много компьютеров. Значительно дешевле каталожной цены. У знакомого из министерства торговли спрашивал – официально нет никаких поступлений...

Ага! Так-так... Нет, я, конечно, всего лишь передатчик, но потренироваться в экспресс-анализе никто не запрещает. Может, когда-нибудь пригодится. Дядя Толя, естественно, глыба и матерый человечище (пару раз ташил его пьяного – чуть грыжу не заработал), но он ведь не вечен... В нашей работе всякое может случиться (тьфу-тьфу-тьфу через левое плечо!) – кто тогда станет не просто командиром команды, а головой всего предприятия? Я не думаю, что наша таинственная «крыша» пришлет кого-нибудь из Москвы для организации руководства делами в ЗОНЕ. А и пришлет – ведь мы никого другого не станем слушаться...

– Хорошие компьютеры? – уточняю я.

– Ага, классные компьютеры, – подтверждает Саид. – Игры есть – классные игры!

Понятное дело. Если игры есть – значит, все в порядке. У сына гор свои критерии ценности предметов обихода.

– Марка какая? И на сколько дешевле каталожной цены?

– Марка, марка... – Саид напряженно морщит лоб, пытаясь вспомнить, – не получается. Марка ему по барабану – лишь бы вещь хорошая была. – Марка... А, шайтан его знает! Короче, импортные, цветные – класс. Я сам купил – отдал три «лимона». Телевизор, ящик – ну, сам компьютер, клавиши и «мышка». И еще этот, который печатает, – ну, эээмм... Во – спринтер! Ага, спринтер. Пачку бумаги засунул, он сам шпарит – только листы выкидывает. И всего три «лимона».

Ясно с вами. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что в необозримых просторах ЗОНЫ опять исчез очередной эшелон с оргтехникой. Кто-то ловкий получит стра-

ховку, трехкратно возмещающую стоимость пропавшего груза (каковой наверняка был представлен в половинчатом ассортименте), а потом еще и поделит с ичкерскими умельцами выручку за быстро распроданный товар. Быстро – потому что дешево. Молодцы, что и говорить. Однако это информация для «крыши» – нашей деятельности это не касается. Пусть там себе анализируют – откуда дровишки.

– Курток турецких – завались, – продолжает Саид. – Тоже недорого. Всякие есть. У знакомого с таможни спрашивал: не зарегистрирован такой товар. Куртки появились с неделю назад – уже половину расхватили...

Ну и эта новость нас касается поскольку-постольку: опять информация для «крыши». За грузинский пограничный контроль мы не в ответе. Однако нужно выяснить все детали: «крышу» такие новости очень даже интересуют. Откуда, когда, какими путями – практически все знает Саид. Он не зря получает свои двадцать штук баксов – именно столько мы платим ему за каждый «сеанс».

Саид – доморощенный коммерсант «новой волны». Образования никакого – да и ни к чему ему образование, главное, он умеет хорошо считать и обладает великолепной памятью. Зато Саид имеет мощный родовой клан, расселившийся по всей Ичкерии и за ее пределами. Отсюда связи, доступ к информации конфиденциального характера и желание иметь вес в своей клановой системе. А вес – это в первую очередь деньги.

Саид торгует всем. Не важно, что он не в состоянии прочесть на иностранном языке некоторые наименования и характеристики товара. Главное, чтобы в одном месте взять товар подешевле, потому что там на него нет спроса, вывезти в другое место – где этот спрос есть, и продать подороже. И каковы параметры товара – не важно. Саид, как он сам однажды признался, наряду с японскими магнитофонами, наштампованными в Китае, и псевдоамериканскими сигаретами иногда приторговывает более прибыльными, но и более опасными вещами. Оружием, наркотиками, людьми – как получится...

– Есть новости по живому товару, – флегматично выдает мой собеседник, с сомнением глядя на остывший кусок шашлыка: отправить его в необъятные недра своего желудка или оставить воронам? – В Мехино с прошлого четверга один мужик торгует бабами. – Зыркнув на меня, Саид уточняет: – Русскими бабами – молодыми. Пять штук уже продал, остались еще восемь. Это на позавчера так было. Сейчас не знаю – может, еще продал. Хотя дела у него идут плохо – сильно много просит за голову...

Я настораживаюсь. Вот это как раз касается нас. С прошлого четверга, значит... Пока мы развлекались у Сарпинского ущелья, через ЗОНУ благополучно просочился караван с женщинами. Можно даже с уверенностью назвать четыре места, где прошел. Шведов будет неприятно удивлен...

Начинаю выспрашивать обстоятельства. Нет, этим женщинам мы уже помочь не в силах: что в Ичкерию попало, то наверняка пропало – исключения бывают крайне редко. Но необходимо выявить канал, по которому эти женщины ушли, и установить контактера с нашей стороны. А потом взять этого контактера за причинное место и вытрясти из него душу. Это мы можем.

– Еще мужиков продают, – добавляет Саид после того, как я получаю сведения о женщинах. – В Баламуте один тип есть – по десять штук баксов за голову берет. Три дня назад у него было семь мужиков. Но худые какие-то, некрасивые. Хотя не бомжи. Точно не бомжи. И вроде здоровые – зубы нормальные, глаза чистые.

– Мужики русские? – спрашиваю я, хотя и так ясно.

– Ну, русские не русские... славяне, короче, – сообщает Саид. – Берут их хорошо – сам знаешь, десять штук за работника – это приемлемо...

Вот и еще один наш прокол. Хлопцы в ЗОНЕ не дремлют – работают весьма оперативно. Я не удивлюсь, если под конец Саид сообщит, что какая-нибудь банда протащила

через пограничье пару боевых истребителей пешим порядком: тутошним Левшам проверить такую штуку – раз плюнуть. Опять выпрашиваю: кто, откуда, какими путями... А в душе закипает глухое раздражение. Все-таки какие доверчивые и глупые бывают российские граждане! Сколько раз мы проводили неофициальные расследования подобных инцидентов: всегда одно и то же. Будь моя воля, я бы дал в газетах объявления за свой счет примерно такого плана: «Уважаемые граждане! Не верьте рекламным объявлениям, приглашающим вас за хорошие деньги на сезонные работы куда-нибудь за рубеж! Никто не даст гарантию, что вместо того, чтобы собирать апельсины в солнечной Валенсии, вы не будете пасти скот на высокогорном пастбище и убирать кизяк. А если вас вдобавок ко всему угораздило оказаться молодой симпатичной дамой, никто не поручится, что вас не будет трахать все мужепоголовье какого-нибудь высокогорного кишлака, распростертого выше уровня облаков где-нибудь на юге Ичкерии...»

Вот, ей-богу, если бы Шведов разрешил – дал бы я такое объявление. Тогда, уверен, нам было бы гораздо меньше работы. Но полковник не разрешает – говорит, не наше это дело: каждый сам волен распоряжаться своей судьбой. Если кому-то угодно быть обманутым – на здоровье...

Поток информации иссяк. Согласно договору я никогда ничего не записываю. Мало ли что может произойти? В нашем деле нельзя зарекаться даже от самых невероятных случайностей. Мы можем не добраться до пограничья. Мы можем добраться до пограничья, но влипнуть в историю на своей земле. И в том, и в другом случае записи могут уйти налево – для Саида это смертный приговор. Если становится известно, что обитатель ЗОНЫ – информатор, он умирает на удивление быстро, это аксиома. Больно климат для информаторов тут неподходящий... Поэтому Саид готов хоть три раза подряд повторить все, что только что мне поведал. Лучше лишний раз поработать языком, чем слегка остаться без головы: полагаю, каждый с этим согласится.

– У меня к тебе небольшое порученьице, – сообщаю я Саиду, обнаружив, что он надолго умолк. – Надо аккуратно пустить слух, что Рустема Гушмазукаева «заказали» товарищи из Москвы. И что киллеры уже вовсю прорабатывают его персону – вот-вот дело будет...

Саид соображает, озабоченно морща лоб. Нет-нет, это обычная просьба, не выходящая за рамки договора. Если есть возможность, он всегда пустит слух по высшему разряду – комар носа не подточит: наш ичкерский Макиавелли обладает феноменальным талантом по части распространения дезы в ЗОНЕ. В данном случае Саиду не нравится конкретика. Одно дело – распускать слухи о каких-то абстрактных категориях и явлениях широкомасштабного плана, и совсем другое – трепаться о реальной персоне, живущей где-то поблизости. Тем более о такой персоне.

– Кто сказал? Где, когда? На кого сослаться, если вдруг что? – осторожно интересуется Саид, начиная растирать запястье левой руки – признак активной мыслительной деятельности (за год я успел изучить все его жесты – могу составить пособие «Невербальные коммуникации ЗОНОВСКИХ шпионов»).

– Да ладно тебе, братишка! – прикидываюсь я. – Мне тебя учить, что ли? Если что – скажешь: один мужик на базаре говорил...

– Не пойдет, – решительно обрывает меня Саид. – С Рустемом такие штуки не проходят – сам знаешь. Если меня вдруг возьмут за жопу, надо будет сказать что-то стоящее, чтобы подтвердилось. Давай – думай...

А что тут думать? Сам знаю, что не пойдет, не первый день в ЗОНЕ. Это просто проверка на вшивость – если Саид с ходу, не задумываясь, согласился бы на вариант «мужик – базар», не видать нам слуха о киллерах для Рустема как своих ушей. А он не согласился.

Очень хорошо. Все уже давно продумано – для этого у нас есть дядя Толя, змей о трех головах, а головы сии именуются Стратегия, Прозорливость и Аналитический расчет.

Даю информацию: где, куда, когда, откуда. Саид из данной цепочки практически исключен: ему надо только прибыть в установленное время под благовидным предлогом в славный поселок Хали, где через три дня состоится именины племянника Рустема, дожидаться, когда клиенты дойдут до кондиции, и тривиально подбросить «подметное письмо» – «малявку» о страшных замыслах вражеской Москвы. А потом шепнуть на ушко кое-кому из «верхов» Ичкерии (половина этих верхов числится у Саида в кунаках), что дела Рустема плохи – говорят, на именинах племянника ему записку подбросили, а в записке – такое!

– Ладно, попробую, – обещает Саид, насмешливо сощутив глаза и покачивая головой – ну вы и намудрили, стратеги! – Попробую... Да, совсем забыл: есть еще одна новость...

Я настораживаюсь: Саид, как и большинство горцев, склонен к театральным эффектам. Если у него есть сногшибательная информация, он выдает ее под занавес, когда я уже расслабляюсь. Ему, видите ли, доставляет удовольствие лицеизреть мое замешательство от внезапной важной информации. Ну-ну...

– Есть клиент для вас, – Саид хитро подмигивает. – Ему нужна крутая команда, которая может повернуть в ЗОНЕ одно крутое дело. Дает хорошие бабки...

Я утрачиваю сонливость и настораживаюсь. Такого рода новость из ЗОНЫ поступает впервые. Несколько раз мы оказывали услуги разным товарищам с нашей стороны – по рекомендации «крыши» или после тщательной селекции, которую полковник проводил очень вдумчиво и дотошно. Да, вследствие такой селекции мы один раз вынуждены были аннулировать клиента и его окружение: легкомысленный парниша еще до начала выполнения его просьбы начал болтать, каких он крутых парней нанял, чтобы наказать злых ингушей, наехавших на его автопоезд...

Но это так, нюансы. А вот из ЗОНЫ к нам обращаются впервые, и это наводит на самые нехорошие мысли. Прав Шведов, нам действительно вскоре можно будет давать объявление: «Крутая команда оказывает услуги всем желающим в ЗОНЕ. Индивидуальные снайперские заказы, установка минных полей, провокации, массовая ликвидация бандформирований – по выбору клиента. Оплата в рублях по курсу ММВБ на день расчета...»

– Мне такие шутки не нравятся, Саид, – флегматично заявляю я, избегая встречаться взглядом с собеседником. – Откуда дровишки?

– Зря беспокоишься. – Саид верно истолковывает мое резкое погрустнение. – Никто ничего конкретно о вас не знает. Так, сплетни... Уж если я о вас знаю только то, что вы ко мне приходите раз в месяц по расписанию, что говорить об остальных? Просто есть люди, которым нужно повернуть одно лихое дело в ЗОНЕ. Они попросили подыскать славян-боевиков, которые могут за хорошие бабки и под твердые гарантии поработать...

– Почему именно славян? – интересуюсь я. – Вон, к абхазам обратись – тоже неслабые ребята: там каждая сволочь стреляет на звук и с младых лет с кинжалом под подушкой спит.

– Нужны славяне, – отвергает мое рацпредложение Саид. – Чтобы жили не в ЗОНЕ. Дело деликатное. В общем, думай.

А чего тут думать? Скажу шефу и сообщу, что мне это страшно не нравится – полагаю, он тоже будет не в восторге. Пусть решает. И еще: нелишне будет разузнать, что это за шустрые такие дяди, которым вдруг позарез зандобились славяне-боевики?

– Сколько, ты сказал, твой клиент предлагает? – с напускным безразличием интересуюсь я.

– А я ничего не говорил насчет цены! – весело восклицает Саид, в глазах лукавые чертики пляшут. – А скажу – ох...еешь... Короче, передали, что готовы заплатить два «лимона» баксов. А работы всего ничего... Ну как?

Ох ты боже мой – цифры-то какие! Что-то в последнее время такой крутой раскрут попер: уши закладывает! Один с ходу готов выложить пять «лимонов» баксов, другой обещает два – за какие-то вроде бы мелочи...

Я настороженно оглядываюсь: как там мои боевые братья – не просекли чего лишнего? Кое-какие чеченские словечки и они понимают – недаром год в ЗОНЕ барахтаются. Нет, вроде все заняты своим делом – отдыхают и караулят. Вот только Лось как-то слишком пристально смотрит в нашу сторону. У этого прирожденного киллера развито какое-то ненормальное чутье на разного рода провокации – на подсознательном уровне.

– Ты потише, – внезапно охрипшим голосом говорю я Саиду. – Чего орешь-то? Хочешь, чтобы вся ЗОНА об этом знала?

– Потише так потише, – покорно соглашается Саид. – Что клиенту передать?

– Что за дело, ты, естественно, не знаешь? – скорее утвердительно, чем вопросительно говорю я. – Клиент тебя в подробности не посвятил. Так?

– Так, – соглашается Саид вроде бы искренне – даже если и знает, все равно не скажет, шпион ичкерский. – Сам понимаешь – кто о таких вещах посреднику сообщает? О деле поговорите, когда встретитесь. Если встретитесь...

– Ну, ладненько, – решаюсь я. – Передай своему клиенту: завтра пусть едет в Стародубовск, найдет гостиницу «У Ефимыча» и ожидает там в холле с двенадцати до часу дня. Если в этот промежуток администратор скажет, что кто-то звонит и спрашивает господина Гасанова, пусть подойдет к телефону. Вопросы?

– Завтра с двенадцати до часу в холле «У Ефимыча», отозваться на Гасанова, – повторяет Саид. – Вопросов нет.

– Да, еще. – Я считаю нужным оговориться. – Если мы передумаем, звонить не будем.

– Хорошо, – Саид удовлетворенно кивает головой. – Их это устроит – я тебе гарантирую... Ну вот, вроде бы и все на сегодня. Давай рассчитаемся и пойдем по своим делам...

Саид садится на своего ишака, неспешно выбирается из ложбины и постепенно удаляется в сторону ломкой линии заснеженных пиков, окутанных таинственной дымкой. Да, все в этой проклятой ЗОНЕ таинственное и окутанное черт знает чем – и Саид тоже. Вроде бы суперполезный парниша – кладезь информации. Однако надо не упустить такой момент, когда возникнет необходимость безболезненно и тихо с ним расстаться – без ущерба для нашего предприятия. Или просто отдать Лосю, так будет надежнее...

Пограничье мы миновали без приключений. Правда, на последнем отрезке пути был обнаружен неожиданный соглядатай без видимых признаков национальной принадлежности – облезлый тощий «миноискатель», который следил за нами из кустов. Миноискателями в ЗОНЕ обзывают ишаков – эти твари бродят бесконтрольно где ни попадя и частенько рвутся на минах, забытых разными рассеянными товарищами в самых неподходящих местах.

Джо предложил взять его с собой и пристроить во дворе, чтобы дом охранял вместо собаки. Что верно, то верно – собаки у них нет. Мы уже было решили реализовать предложение Джо и погнались за ишаком, однако своенравная скотина так резво ломанулась в чащу леса, словно вообразила, что мы собираемся полакомиться ее вонючей плотью.

Мы с минуту посоветовались о целесообразности дальнейшей погони, но тут мудрый Барин вовремя напомнил, что ишак имеет обыкновение ни свет ни заря орать страшным голосом и гадит где попало, причем в таких количествах, что иногда кажется, будто и не маленький ишак это вовсе, а целое стадо бегемотов, накануне плотно отобедавших. Оставив ишака в покое, мы просочились на нашу территорию, и уже к пяти часам пополудни я докладывал полковнику о результатах работы.

– Листья дубовые падают с ясеня. Вот ни х...я себе, так ни х...я себе, – задумчиво пробормотал полковник, когда я под занавес (учусь помаленьку у Саида) скучным голосом

выдал информацию о таинственном клиенте, желающем заполучить в пользование команду славян-боевиков. Вообще-то это моя присказка – для Шведова сие изречение не характерно. И уж коль скоро оно прозвучало из его уст, это значит, что шеф мой пребывает в глубочайшей растерянности.

Вытянув из меня все подробности, касающиеся последней новости, полковник нисколько не подобрел, а напротив, задумался еще горше.

– Ладно, отдыхай, – разрешил он в итоге. – Завтра с самого ранья приходи, будем сообщать. – Я отправился домой, оставив шефа терзаться сомнениями и наводить справки по своим информационным каналам.

Насчет «будем сообщать» – это он так, для красного словца. Шведов, законченный автократ, если когда и приглашает меня «подумать» вместе, то исключительно лишь для того, чтобы утвердиться в правильности выбранного им пути.

Нет, он приемлет трезво продуманные и аргументированные возражения снизу, но никогда не руководствуется ими при окончательном решении. Так что завтра с ранья, как изволил выражаться дядя Толя, наверняка все уже будет разложено по полочкам и мне останется с умным видом согласиться, ввернув для проформы пару замечаний по незначительным аспектам.

Прибыв на хаус, я попарился в баньке, употребил приготовленный соседской бабкой борщ и внезапно возжелал плотской любви. Только не скоротечной, каковой меня приучила довольствоваться Элен, а вдумчивой и изощренной – длинной, как непогожая зимняя ночь.

Набрав номер Элен, я дождался, когда на том конце послышалось ее недовольное: «Да, вас слушают!» – и дрожащим голосом сообщил:

– Ленка, у меня проблемы. Срочно нужна твоя помощь. Соври что-нибудь мужу – ты мне нужна на всю ночь. Если не приедешь – я труп... – и моментально положил трубку, дабы не пускаться в пространные объяснения по существу этих самых проблем.

Элен примчалась через двадцать минут, вся из себя взъерошенная, взвинченная боевым азартом и готовая ввязаться в любое архисомнительное мероприятие, подразумевающее наличие таинственных приключений и чреватое большим количеством неопознанных трупов. Проблемы она любит – натура авантюристки иногда так и прет из-под устоявшейся личины профессорской жены. Я даже подозреваю, что связь со мной она поддерживает не столько из желания удовлетворить свое не востребованное либидо, а по большей части из-за того, что я принадлежу к романтической (в ее представлении) плеяде лихих парней из таинственного детективного агентства «Аргус». И пусть она понятия не имеет, чем мы на самом деле занимаемся, сам факт, что я являюсь «частным сыщиком», служит достаточным основанием для придания нашим отношениям привкуса некой таинственности и неопределенности.

– Ты не думай, что если я профессорская жена, то неженка и белоручка, – как-то раз сообщила она мне в припадке откровения. – Если у тебя вдруг возникнут проблемы с этим вашим... ну, контингентом, можешь на меня рассчитывать. Я знаю некоторые приемы айкидо и в случае чего могу стрелять из пистолета – папа научил...

Так вот, когда моя пассия примчалась и узнала, что самая главная моя проблема в настоящий момент заключается всего-то лишь в избытке половых гормонов, она страшно возмутилась. Пришлось на ходу сочинять, что накануне мы расследовали невероятно секретное дело, в результате чего я получил изрядную стрессовую нагрузку – стреляли в меня, стреляли навскидку злые мафиози настоящими пулями и запросто могли убить! И теперь мне хочется забыться в ее объятиях. И чем скорее, тем лучше, а то все!

Отступать было некуда, все равно муж уже продезинформирован, домой возврата нет: Элен осталась на всю ночь, и я ей показал, где свет клином сошелся, проявив неожиданную для себя резвость и выдав на-гора подспудно таившееся где-то в глубине подсознания недоу-

жинное знание специфических эrogenных зон, характерных исключительно для профессорских жен...

Около пяти часов утра затрезвонил телефон. Прошлепав босиком в прихожую, я взял трубку, ни капли не сомневаясь, что это Шведов. Однако проблемку я подкинул шефу из разряда высшей категории сложности – почти двенадцать часов ему потребовалось, чтобы прокачать свои информационные каналы и принять решение.

– А ты чего не спишь? – благодушно поинтересовался полковник. Вопрос, согласитесь, весьма уместный – учитывая тонкую алую полоску занимавшегося за окном рассвета.

– Я сплю, а с вами разговаривает мой фантом, – в тон ответил я, изобразив душераздирающую зевоту. – Время, знаете ли, того... Не совсем удачное для таких вопросов.

– Ладно прикидываться! – упрекнул меня полковник. – Ты ж все равно ночами не спишь, я-то знаю... Короче, утром не приходи, отдыхай. Подгребай в пятнадцать ноль-ноль – я назначил «стрелку» на семнадцать у силикатного. Бывай...

В шестнадцать тридцать мы с полковником уже сидели в изрядно потрепанном «рафике» у административного корпуса заброшенного силикатного завода. Я листал свежий «Экспресс», избегая смотреть на шефа, – имелся риск, что могу не удержаться и этак подленько рассмеюсь мелким дребезжащим хохотунчиком.

В амплуа великого конспиратора Шведов выступал крайне редко, а потому этот образ для меня был необычен и порождал игривое настроение, неуместное перед серьезным делом. Дабы не осердить шефа, я изо всех сил старался сохранять задумчивый вид, а между тем подсчитал, на скольких этапах полковник перестраховался. Подсчитал и пришел к выводу, что тут могут иметь место два равновероятных умозаключения: либо полковник в маразм ударился на старости лет, либо я недооцениваю степень опасности и, образно выражаясь, впал в мальчишество.

Если бы на такого рода «стрелку» предстояло идти в качестве «паровоза»⁵ мне, я бы выбрал первый попавшийся участок загородного шоссе и прикатил туда в назначенное время. На двух тачках, с тремя парнями при стволах. А там – беседуй сколько влезет, обсуждай проблемы и приходи к консенсусу. Это же не разборка с супостатом, забравшимся по недомыслию на твою «землю» или имеющим к тебе претензии территориального характера – в этом случае «стрелка», как правило, чревата кровопролитием. А здесь обыкновенная деловая встреча: какие-то таинственные товарищи хотят предложить выгодную работу.

Полковник же обставил «стрелку» следующим образом.

Встреча была назначена на заброшенном силикатном заводе, располагающемся в семи километрах от Стародубовска. Положа руку на печень, могу честно признаться, что это мрачное местечко меньше всего подходит для деловых контактов. Зато здесь удобно производить массовые расстрелы – и без использования глушителей даже! – а впоследствии прятать трупы убиенных: «нычек» тут – море.

От загородной автостреды до проходной завода пролегает полуасфальтированное шоссе, которое прекрасно просматривается, что исключает возможность внезапного появления нежелательных свидетелей. Кроме того, странные шумы в данном районе вряд ли у кого вызовут подозрения: раз в неделю здесь развлекаются собровцы, периодически наезжают омовцы и ребятишки из полка милиции внутренних войск. Завод является прекрасным полигоном для проведения учений, и все об этом знают. А наши парни изучили здесь каждый камешек, когда я их натаскивал на тренировках в проведении спецопераций.

В пять утра Клоп и Барин засели на крыше административного корпуса, вооружившись биноклями и радиостанциями: для организации тотального наблюдения за подступами к объекту. Из их «гнезда» территория вокруг завода просматривается минимум на три кило-

⁵ Предводитель чего-либо (*жарг.*).

метра, а спать на посту в нашей команде считается признаком дурного тона. Так что делайте выводы.

В четырнадцать ноль-ноль прибыла группа огневой поддержки: Лось, Север, Сало, Мент и Джо. Все вооружены СВД с оптикой и рассредоточены на удобных направлениях для ведения огня по пятаку у административного корпуса. На момент нашего приезда ребята уже два с половиной часа томились в ожидании черт знает каких событий: чего им там наговорил полковник, я не в курсе.

И последнее – так сказать, завершающий штришок: полковник порадовал меня маскарадом. Во-первых, мы приперлись на завод на чужом «рафике», который невесть откуда с утра пригнал Лось. Во-вторых, Шведов вырядился в какой-то подозрительный комбинезон с балахоном и приготовил дурацкую театральную маску с сурдинкой, меняющей голос до неузнаваемости. В общем, хоть сейчас к Познеру на «Человек в маске» – со своим инвентарем...

– Ничего смешного нет, – сурово выдал полковник, таки встретившись со мной взглядом и раскусив в одно мгновение мое умонастроение. – Я же тебе сказал – дело очень серьезное. Мало ли как оно обернется, а пожить еще почему-то хочется. И зря ты маску не хочешь надевать – смотри, пожалеешь...

Этот вопрос мы уже обсуждали накануне: я категорически отказался от маски, заявив, что это полный маразм. Как бы ни повернулся ход переговоров, мне скрывать свою личину нет необходимости. Если договоримся, мне так и так придется контактировать с посредниками в ЗОНЕ, независимо от характера «заказа». А не договоримся – тем более: прибывших на «стрелку» клиентов больше никогда никто не увидит. Увы – такова суровая проза жизни...

В семнадцать ноль-ноль, как по расписанию, на пятак у административного корпуса выкатил темно-синий «БМВ» с донельзя тонированными стеклами и остановился метрах в десяти от нашей развалюхи.

Из машины вышел молодой кавказец и направился к нам, оставив дверцу раскрытой, – теперь можно было рассмотреть, что в салоне находятся еще двое. Видимые признаки наличия вооружения у посетителей отсутствовали.

Полковник недоуменно пожал плечами, что-то ругательски бормотнул и натянул маску, заправив ее под балахон. Шведова можно было понять: соответствующий сигнал от наблюдателей не поступил, значит, другие машины в радиусе трех километров не наблюдаются.

Получается, что ребята прикатили на «стрелку» втроем, без прикрытия и автоматического оружия. Можно делать выводы о категории клиентов: или крутые ниндзя, способные в один момент голоручно расправиться со взводом вооруженных врагов; или законченные дегенераты, понятия не имеющие об организации такого мероприятия, как «стрелка». Или еще хуже: товарищи имеют такую мощную «спину» и положение в обществе, что сама мысль о том, что их может кто-то обидеть, кажется им абсурдом. Ну-ну... Зря вы так, хлопцы. Нам ведь по барабану, кто вы есть в цивилизованном мире. Мы живем по законам ЗОНЫ. Стоит полковнику подать установленный сигнал, и от вас останутся куски окровавленного мяса...

– Гасанов приехал, – весело подмигнул мне водила «БМВ», заглядывая в приоткрытое окно «рафика» и указывая на свою машину. – Где говорить будете?

– Пусть сюда идет, – прогундел полковник через сурдину. – Один. А вы там оставайтесь.

– Хорошо, – согласился водила и, хорошенько рассмотрев видоизмененного Шведова, удивленно воскликнул: – Ниче себе! Ну вы...

– Топай, мальчик, топай! – раздражился полковник. – Давай своего шефа сюда, времени мало...

Из «БМВ» вылез здоровенный бородатый чечен в каракулевой папахе и направился к нам. Пока он шел, я был занят – перемещался внутри салона согласно разнарядке, – чтобы

в случае чего не перекрывать сектор стрельбы нашим снайперам. Поэтому хорошенько рассмотреть «Гасанова» не успел. А когда бородач забрался в «рафик» и по-хозяйски уселся на почетное место рядом с водителем, мне вдруг стало нехорошо.

В двух метрах от меня сидел Зелимхан Ахсалтаков... Поскольку вам это имя ни о чем таком не говорит, спешу представить нашего гостя. Во время РЧВ Ахсалтаков был командиром крупного отряда чеченских «непримиримых» – «духов» то бишь, контролирующего Мачкой-Артановский район Ичкерии. И вроде бы, кажется, черт с ним – был так был... Но однажды во время рейда на земле Старого Мачкоя «духи» Ахсалтакова взяли в плен двух моих бойцов и утащили их на свою базу. А я не придумал ничего лучше, как взять в заложники семью Зелимхана, проживающую в Старом Мачкое. При этом я по ходу дела завалил двух охранников, приставленных к семье, – они плохо себя вели – а потом потребовал у Зелимхана своих бойцов – в обмен на жену и двоих сыновей.

Ахсалтаков отдал бойцов живыми-невредимыми, но затаил на меня лютую злобу. А вы бы не затаили? Представьте себя на месте гордого полевого командира – хозяина района, у которого из-под носа какой-то сопляк, нагло назвавшийся Иваном Ивановым, уводит семью и диктует свои условия! И уходит безнаказанно, надерзив напоследок...

Потом по земле Мачкой-Артановского района долго гулял мой фоторобот с многообещающей надписью: «Эта голова стоит пятьдесят тысяч долларов» – немалые деньги для ичкерских крестьян, да еще по военному времени.

И хотя с той поры много воды утекло, я не сомневался, что Зелимхан меня не забыл. Я, например, про такое помнил бы до самой смерти...

Итак, Ахсалтаков по-хозяйски уселся на почетное место рядом с водителем, присмотрелся к полковнику – ни один мускул на лице не дрогнул при виде машкерадного прикида потенциального собеседника – и поднял взгляд на меня.

«Эх, полковник, прав ты был! – запоздало метнулась в голове праздная мыслишка. – Надо было маску надевать. И потом – кто это не верит, что Земля имеет форму чемодана?»

Во взгляде бывшего полевого командира сквозило безразмерное удивление. Помотав головой, он крепко зажмурился, вновь открыл глаза... И бесстрастно произнес – практически без акцента:

– Ну, здравствуй, Иван. Клянусь Аллахом – не ожидал...

Глава 5

Вообще-то путешествовать я люблю. Особенно если перемещение из пункта А в пункт Б обставлено с максимальным комфортом, а впереди маячит перспектива огрести кругленькую сумму «зелени».

Так уж получилось, что всю свою сознательную жизнь мне приходилось путешествовать не по своей воле – никто не спрашивал, хочу ли я отправляться в то место, куда послали, а просто давали команду «фас!» и непременно требовали вернуться с положительным результатом. Никакого вознаграждения за этот самый результат не предполагалось, а условия существования в моих военных походах были настолько скверные, что лучше не вспоминать.

Здесь же все было с точностью до наоборот: комфортабельная тачка, хорошая еда, веселая компания и уверенность в неизбежном вознаграждении за ратный труд. И самое главное – никто не настаивал, чтобы я отправлялся в это путешествие: все решалось на добровольных началах. Можно было отказаться и сидеть дома, почитывая книжки в ожидании очередного посещения Элен. Только почему я должен отказываться? Это моя обычная работа, к которой я привык и за которую получаю недурственные деньги. Вероятность потяжелеть в этом деле на энное количество граммов свинца была примерно такая же, как и в обычном рейде в ЗОНУ, а шансы на благоприятный исход имелись чуть ли не на порядок выше: все продумано до мелочей, учтены даже самые незначительные детали.

Так что вроде бы не было повода впадать в меланхолию, не позволяющую вкусить в полной мере все прелести веселого автокруиза. Тем не менее, по мере приближения к ЗОНЕ, червь сомнения все более и более точил мою легкоранимую душу. А не свалили ли мы дурака, заключив договор с таким отпетым головорезом, как Зелимхан Ахсалтаков? То, что он в настоящий момент занимает какой-то там высокий пост в правительстве Ичкерии, ровным счетом ничего не значит. От этого матерого волка можно ожидать всего.

– Ты че такой кислый? – Джо озорно щелкнул чертика, болтавшегося посреди лобового стекла «Ниссана». – Щас тачки сдадим, стволы толкнем и закатимся на пару недель в Монте-Карло... Погуляем от пуза... А? Прикинь: мы – и вдруг в Монте-Карло! Вот это приколы так приколы!

– Ну и что ты там собрался делать, в этом Карло? – хмуро полюбопытствовал я. – Чего ты там забыл?

– Как чего? – удивился Джо. – Да на двести штук баксов я там такого отчебучу! Мммм... – Он мечтательно закатил глаза и картинно всплеснул руками, на секунду выпустив баранку, – и тут же чуть было не урулил в кювет.

– На дорогу смотри, Обломов! – сурово прикрикнул я. – А то до ЗОНЫ не доедем, не то что до твоего Монте...

Вывняв машину, Джо продолжал:

– В казино прошвырнемся, ну, в рулетку или еще чего там... А потом, знаешь, я ведь воспитан на старых традициях – в духе интернациональной дрючбы: все люди братья, и так далее... Короче, есть желание побрататься с неграми. Врубаешься? Отдрючить какую-нибудь симпатную негритоску во все места, чтобы визжала, как поросенок, а потом найти какого-нибудь здоровенного негра, зарядить ему в репу без базара и окучивать его до тех пор, пока не обсерется. Прикинь? У-у-у-у... Блеск! А потом еще добавить – за то, что обосрался! Вот это я понимаю! Вот это отдых. А то всю жизнь прожил – ни разу не был в Европах...

– Ну и дурень ты, Сашка, – мрачно заметил я. – У негрятки ты подхватишь СПИД, за негра посадят в полицейский участок, к гомосекам в камеру, – они же там не разбираются, что ты бывший сотрудник с правом отдельного содержания, а свои двести штук спустишь

за один вечер – там мастера выкачивать бабки у таких, как ты. И потом – надо же ведь еще эти двести штук получить...

– Да-а-а, совсем плохой, – осуждающе протянул Джо. – Никак не можешь освоиться в роли контрабандиста? Или вонь действует? Чеснока поешь – сразу запах отобьет...

Недовольно хмыкнув, я отвернулся к окну, давая понять, что не желаю общаться. Джо был отчасти прав: в качестве «сталкера» мне еще выступать не приходилось. Да и насчет вони тоже: несмотря на то, что мы тщательно вымыли салон «Ниссана», сладковатый запах разлагающейся крови был довольно ощутимым и действовал на нервы... В машине всегда найдутся щели, в которые не залезешь щеткой, а производить полную разборку салона было некогда: составляя «график» работы, мы не предусмотрели такой вариант... А все злобный Лось: приспичило ему, видите ли, рассчитать резвого бандюгу возле салона да при открытых дверях. Результат налицо – две дырки в спинке задней сидухи плюс тошнотворный аромат, преследующий нас вот уже четвертый час... Хотя, если подходить объективно, Лосю можно обвинить лишь в наличии отменной реакции. Он успел нажать на спусковой крючок чуточку раньше, чем шустрый «автолюбитель» выдернул из-под сиденья взведенный «АКСУ»...

Итак, мы путешествовали в составе колонны из трех машин: два джипа «Ниссан-Патрол» и «Нива», которая согласно легенде предназначалась для возвращения из ЗОНЫ.

Для экстренной связи с полковником у меня имелся мобильный телефон, а на случай утряски официальных вопросов с наиболее бдительными гаишниками в «бардачке» лежали по всем правилам оформленные на машины липовые бумажки. Для супербдительных сотрудников в нагрудном кармане рубашки Джо имелись заранее приготовленные бумажки иного качества: дензнаки розовой расцветки, расфасованные по четыре и обернутые пятой купюрой (среднестатистическая такса в данном районе за проезд через пост ГАИ без досмотра), на сумму что-то около пяти «лимонов» деревянными.

И вот, ехали мы ехали, никто на нас не обращал особого внимания (имелась, знаете ли, у меня такая радужная установка, что практически на каждом посту суровые гаишники будут с пристрастием шмонать все наши тачки и все подряд изымать!): документы пришлось предъявить всего-то два раза, а деньги потребовали лишь на четырех постах из восемнадцати, и то предварительно осторожно поинтересовавшись, не имеем ли мы какого-то касательства к местным бандгруппировкам.

Казалось бы, радоваться надо – все идет как по ниточке... Но по мере приближения к ЗОНЕ светлая грусть вползала в мою душу все увереннее. Давненько я не катался по нашим дорогам на дальнее расстояние, давненько... Полагал я, по простоте душевной, что «сталкеры», с которыми мы боремся, – это очень ловкие ребята, обладающие немалой изворотливостью и чуть ли не семи пядей во лбу каждый. И чтобы «провести» свой груз по нашей территории – до границы с ЗОНОЙ, – им приходится упираться до предгрыжевого состояния, исходя кровавым потом.

Мне в иные моменты их даже жалко было – посмотришь, бывало, на свежеизготовленный труп незадачливого «сталкера» и пригорюнишься: вот и еще один народный умелец ласты заплел в одночасье... А как много он мог для страны сотворить полезного, ежели бы встал вовремя на праведную стезю! Ммммм... Ну и дурень же я был, я вам сообщу! В таких условиях проводку груза любой категории осуществит каждый олигофрен – это однозначно. Соорудил себе липовые документы, запаса бабками для бдительных – и вперед! ЗОНА ждет тебя, грязный «сталкер»!

Так что напрасно я горевал под настроение: на кривых тропках ЗОНЫ, как оказалось, догнивают трупы далеко не самых одаренных представителей человечества. Были бы ода-

ренными, остались бы в живых – как ваш покорный слуга (тьфу-тьфу-тьфу через левое плечо!).

Однако стоит над этим обстоятельством задуматься. Ежели, к примеру, по каким-то причинам порушится наше предприятие (мало ли что в жизни случается!), можно будет переквалифицироваться и гонять караваны в ЗОНУ. Ха! Вот будет комедия... Я – «сталкер». Бесстрашный и неуловимый – этакий «летучий голландец» кривых дорог и малоезженных шоссе. Но это – запасной вариант, самый никудышный. Это – туманная перспектива необозримого будущего. А пока...

Пока мы катим в ЗОНУ вовсе не для того, чтобы сдать аборигенам тачки в обмен на стволы. Это только легенда. Так сказать, завязочка последующего за этим лихого мероприятия.

Основной задачей нашего путешествия является ликвидация банды Салаутдина Асланбекова. Того самого Асланбекова, имя которого в годы РЧВ навевало легкую грусть на командующих тактическими группировками и заставляло начальников федеральных застав в Мехинском районе страшным голосом кричать во сне: «Застава к БОЮ!!!» Того самого легендарного Салаутдина, которого нынешнее правительство свободной Ичкерии боится пальцем тронуть и скрепя сердце терпит все его дикие выходки: раритет, музейный экспонат, табличка «руками не трогать – антиквариат!!!»...

... – Наше терпение лопнуло. Или мы его уничтожим, или дойдет до того, что он заставит нас чистить ему сапоги, – так сказал неделю назад на «стрелке» горный волк Зелимхан Ахсалтаков, повергнув меня в состояние, близкое к шоку. Ой-е-ей, как интересно! Где ты, страшный Зелимхан, которым дембеля сорок седьмого полка пугали необстрелянных салажат, только что прибывших в Ичкерию? Куда подевался хозяин Мачкой-Артановского района, гордый и непримиримый вояка, хитрый стратег и грозный враг федералов? Или высокий пост необратимо действует на сознание, меняя характер и повадки, трансформируя вместе с жизненным укладом всепоглощающую гордыню необузданного хана в вынужденный конформизм политика? Да что там конформизм! Что ж получается: этот самый пост заставляет правоверного мусульманина предать своего соплеменника?

– А что поделать? – верно истолковал мое немое удивление Зелимхан. – Особенности наших отношений диктуют свои условия. Клянусь Аллахом, никогда бы мы не решились на такое, если бы вопрос не стоял столь серьезно...

Далее следовали пространные рассуждения о необходимости таких крутых мер. Мой давний враг красноречиво и убедительно доказывал, что они – ичкерская верхушка – в общем-то славные ребята, добрые и прекраснодушные (белые и пушистые!), и пекутся исключительно о благе и процветании своего многострадального народа. Так что грязная афера, которую они задумали, таковой на самом деле не является. Это просто хитрый политический ход, который одновременно послужит для многих сомневающихся суровым уроком.

Судя по витиеватым изъяснениям Зелимхана, в настоящий момент Салаутдин Асланбеков являлся самой натуральной грыжей в хилом организме свежесостряпанного государства Ичкерского. Чего такого он натворил? Ой, блин, да лучше спросить, чего он не успел сотворить за послевоенный период!

Скот угоняет, машины угоняет (причем не за пределами Чечни, а на ее территории!); грабит без разбора всех, кто под руку подвернется, – независимо от наличия крайней плоти на детородном органе, – имеет какие-то левые дела с абхазами и кабардосами, а в дела эти не позволяет сунуть нос ни одному представителю правительства свободной Ичкерии. Но более всего Салаутдин предпочитает похищение людей с целью получения за них выкупа. Если верить данным грозненских статистиков, примерно пятьдесят процентов похищений по всей республике приходится на его банду. Причем захватывает он всех, кого считает спо-

собным принести хоть какую-то прибыль, невзирая на чины и ранги. От этого имидж Ичкерии как правового государства здорово теряет в весе – все вокруг за такие штуки ее здорово не жалуют и постоянно тычут пальцем на тотальную криминализацию чеченского народа. Ай, какой политический ущерб, какой урон...

Грозненских товарищей на земле Салаутдина запросто гонят в шею: самоуправление там, причем в самом неприглядном аспекте. А в последнее время этот господин совсем оборзел: объявил район своего пребывания независимым краем, с правами оффшорной зоны и строит неподалеку от Мехино всамделишный аэродром для приема транспортных самолетов из-за границы. А на все попытки официального Грозного образумить зарвавшегося «хана» он лишь посмеивается: я, мол, полновластный правитель в своем районе, и не лезьте в мои дела, а то вообще обижусь и такое вам всем устрою!

– Ну так отловите его, прикуйте наручниками к столбу на центральной площади Грозного и публично расстреляйте, – мудро посоветовал я. – Опыт у вас имеется...

Зелимхан туманно глянул на меня и зябко передернул плечами – ход моих мыслей ему вроде бы импонировал, но...

– Ну и дурак ты, Иван, – обиженно буркнул он. – Если бы можно было – давно бы сделали... За этим парнем стоит хорошо вооруженный отряд головорезов численностью в две сотни стволов. Но это не самое главное. Тейп⁶ у него мощный... Если Салаутдина убить, весь его род встанет под ружье. И потом – тогда уж придется расстреливать минимум с десятков человек: двух старших сыновей Асланбекова, четырех братьев, троих племянников... Тогда по Ичкерии прольются реки крови: будет настоящая кровная война.

– Слабо, значит, – резюмировал я, покосившись на Шведова. До сих пор полковник принимал лишь пассивное участие в разговоре, не удосужившись обронить хоть какое-то замечание по поводу красноречия Зелимхана. – Слабо... Значит, пацанов с бабами расстреливать вы мастаки – за ними никто не стоит... А матерого бандита с его выводком вам обкорнать не по зубам. Очень приятно!

– Хорош полемизировать, – прорезался Шведов и кивнул маскоодетой головой Зелимхану. – Давай по существу.

Зелимхан нехорошо покосился на меня и дал по существу – кратко закруглился с речью, художественно оформив заочно вынесенный Асланбекову приговор.

По всем показателям выходило, что Салаутдин – явление для Ичкерии крайне опасное и нетерпимое. И самое неприятное – дурной пример. Многие влиятельные товарищи со славным боевым прошлым внимательно следят за деятельностью этого новоявленного удельного князя и пытаются на местах все организовать по его образу и подобию. Ежели дальше так пойдет, очень скоро могучая Ичкерия разделится на кучу отдельных областей, каждая из которых будет требовать статуса суверенного государства. А они, то бишь правительство Ичкерии, не могут допустить такого. Потомки не простят.

Вот потому-то Зелимхан и связался с нами – есть надежда, что мы сможем эту досадную проблемку тихо и аккуратно разрешить. И обстоятельства предрасполагают: у Салаутдина в плену сейчас как раз сидит отловленный где-то накануне майор ФСБ, за которого хотят получить выкуп. Ну, майор сам по себе птица небольшая, а требуемую бандитами сумму – триста штук баксов – его семья, естественно, потянуть не в состоянии. Поэтому переговоры о выкупе ведутся через посредников с руководством ФСБ, которое не торопится выкладывать доллары за своего сотрудника: пытается убедить бандитов в необходимости отдать майора бесплатно и периодически, теряя терпение, обещает разобраться с ними по-своему, туманно намекая на какие-то неясные обстоятельства освобождения из плена другого сотрудника ФСБ, имевшие место в далеком 1994 году.

⁶ Тейп – то же, что и род.

Так вот: если мы умудримся в ходе акции освободить того майора и забрать его с собой, будет совсем хорошо! Тогда для всех будет ясно, что вершушку клана Асланбековых вырезали пресловутые спецслужбы России, о которых ежедневно кричат разнообразные чеченские деятели...

– Короче, ясно с вами, – подытожил Шведов. – В Новочеркасск тебе надо, братан...

– Не понял, – удивленно вытаращился Ахсалтаков. – Зачем в Новочеркасск?!

– Я тебе адресок подкину, – Шведов сделал вид, что лезет в карман за блокнотом, и хмыкнул через сурдину: – Там у меня знакомый командир вэвэшного отряда спецназа есть. Ликвидация бандформирований такой численности – как раз их профиль. Вывалишь им два «лимона» баксов – они тебе за такие бабки не то что банду Салаутдина – все прилегающие к Мехино села под корень вырежут. Вот... А нам потянуть такой численный состав не под силу: мы ж, бля, не терминаторы! Ю андестенд?

– Шутка, – облегченно выдохнул Зелимхан. – Все понял... Не надо всю банду. Нужно только самого Салаутдина и его близких родственников: двух сыновей, четырех братьев и троих племянников. Они все время проводят вместе, так что в этом плане у вас проблем не возникнет.

– А остальная банда? – уточнил Шведов. – Если мы уберем Асланбекова и его ближайшее окружение, банда ведь от этого самопроизвольно не улетучится?

– А это уже не ваши заботы, – Зелимхан пренебрежительно махнул рукой. – Без головки банда просто развалится – и мы приложим к этому делу максимум усилий... Ну что – как решим?

– Можно попробовать, – осторожно просипела шведовская сурдина. – Давай обсудим детали.

– Давай, дорогой, давай! – Зелимхан вдруг залучился весь плохо скрытой радостью, суетливо потер мочки ушей и не сдержался: победно подмигнул мне левым глазом. – Главное, я полагаю, – это порядок расчета, так? Чтобы никто никого не обманул, чтобы все по честному... Так?

– Это чуть позже, – не согласился Шведов. – Начнем с обеспечения. Каким образом вы собираетесь доставлять команду к месту проведения акции – раз? Под какой «крышей» – два? Вооружение...

– Тормози, дорогой, тормози! – прервал Зелимхан полковника. – Как и что – нас не касается. Вы все сами... Мы договариваемся – вы делаете. Сделаете – бабки ваши. Не сделаете – извините. Могу дать кое-какую информацию...

– Сам тормози, – недовольно прогундел полковник. – Как это – сами? Ты что-то не то говоришь, братан... Давай так: вы берете все обеспечение на себя: доставку, маскировку, устройство команды, вооружение, эвакуацию после осуществления акции... А за все про все мы просим один «лимон» баксов. Мы не жадные. Организуй обеспечение и можешь второй «лимон» себе забрать. Иначе дело не пойдет. То, что ты предложил – насчет «все сами», – мне страшно не нравится. Авантюрой это пахнет, а это не наш профиль...

– Не торопись, дорогой, не торопись, – ласково пробормотал Зелимхан, гипнотизируя маску Шведова своим тяжелым взглядом. – Не нравится так не нравится. Я тебе кое-что расскажу – сразу понравится. А твой вариант никак не пойдет: мы к этому делу не должны иметь никакого отношения. То есть, если вдруг вы где-то проколется, отвечать будете сами. А скажете, что мы вас наняли, – все равно никто не поверит. Понимаешь? У нас такие штуки не делают – шарият не позволяет...

– Понимаю, – посочувствовал Шведов. – Если бы я нанимал киллера, чтобы завалить родного брата, я тоже в случае чего поклялся бы на могиле матери, что не имею к этому делу никакого отношения. Как-то так вышло, что во все времена братоубийц почему-то никто не любит...

Ахсалтаков смущенно потупил взор и тихо пробормотал:

– Но ведь они бандиты! Клянусь Аллахом, э, самые натуральные бандиты! Их давно надо было уже уничтожить – просто обстоятельства не позволяли...

– Ладно, это не наши дела, – счел нужным поправиться Шведов. – Как хотите, так и пляшите – нам все равно... Давай – выкладывай свою информацию по вашему варианту внедрения команды. Если она покажется мне дельной, будем посмотреть... И кстати, поделись-ка – как ты хочешь с нами рассчитаться?

– Выкладываю! – оживился Зелимхан и вдруг неожиданно поинтересовался: – У тебя в команде все вот такие, как он? – он кивнул в мою сторону.

– В смысле такие сонные, ленивые и коротко остриженные? – уточнил Шведов.

– В смысле такие, что могут задушить голыми руками целый взвод и... и обмануть кого угодно, – поправил Зелимхан. Глаза его остановились на моей скромной персоне и колоче сверкнули.

– Почти такие, – не без бахвальства сообщил Шведов. – Головенку оторвут кому угодно – «мама» сказать не успеешь.

– Очень хорошо, – Зелимхан заметно приободрился. – Это значительно облегчает задачу. Я хочу вам предложить следующий вариант...

...А вот и ЗОНА. Свернули с шоссе в лесополосу и с полчаса выписывали замысловатые виражи меж деревьев, пока не выбрались к опушке дремучего дубового леса. Здесь, у не приметной грунтовки, уходящей в чащобу, ждал проводник: симпатичный молодой чечен в крестьянском наряде – оружия при нем не оказалось. Обменялись условными знаками, парниша влез к нам в головную машину и стал показывать, куда рулить. Вот оно и началось: теперь надо прикидываться в меру крутыми, самоуверенными и туповатыми бандитами, привыкшими в этой жизни только пакостить и брать все, что понравится. Проводник представился Вахой и оказался очень компанейским парнем: всю дорогу пичкал нас плоскими армейскими анекдотами, над которыми мы вынуждены были ударно ржать идиотским смехом. Джо пытался ответно каламбурить, а я внимательно следил за его изысками, и, когда мне казалось, что он чересчур умничает, я поправлял его пошлыми репликами, давая понять, что не надо выезжать за границы бандитского кругозора. Теперь нам долго придется выступать в роли цивилизных придурков: более башковитые особи ни за что не полезли бы в ЗОНУ, имея столь эфемерные гарантии собственной безопасности.

Вскоре выяснилось, что ребята Салаутдина не стали баловать нас разнообразием: следуя указаниям проводника, мы выехали на проселок, ведущий к Сарпинскому ущелью. Ну что ж: молодцы. Обычная схема: договорились с Рашидом Бекмурзаевым о проводке груза и теперь наверняка сидят у входа в горловину ущелья, поджидают нас. Очень приятно.

Как только мы выбрались на эту дорогу, до боли знакомую и хоженно-езженную нами неоднократно, Джо вдруг впал в рассеянность: начал невпопад отвечать Вахе, не тем тоном ржать над его анекдотами и вообще не на шутку призадумался. Пришлось мне отвлекать внимание проводника и активизировать степень своего участия в общении.

Рассеянность Джо была закономерной – я и сам некоторое время назад испытывал примерно те же чувства. Гонорар за акцию – два «лимона» баксов в большущем герметичном рюкзаке – лежал неподалеку отсюда – в двух шагах, образно выражаясь... Но если через километр свернуть в лес, продрасться через заросли метров на восемьсот, а потом с полчаса скакать горным козлом по камням, огибая здоровенную скальную гряду, можно как раз выйти к нашему импровизированному «банку».

Имелось страшное искушение: звездануть Ваху по кумполу, рывком выдвинуться туда и в ударном темпе организовать поиски. Жаль, конечно, с нами нет Барина и Клопа – это в значительной степени облегчило бы задачу, – а тот факт, что каждый из нас умеет как устанавливать, так и обезвредить простейшую комбинацию из противопехотных мин, подстегивал

воображение... Саперы Зелимхана заграждения ставили очень быстро и наверняка не успели соорудить что-либо замысловатое – я присутствовал неподалеку. И естественно, рассказал обо всем боевому брату. «А вдруг все получится?!» – прочитал я в глазах Джо, встретившись нечаянно с его туманным взглядом.

«Нет, Джо, – не получится», – выдал я ему в ответ взглядом и для убедительности слегка покачал головой – так, чтобы Ваха не заметил. Думал я уже, прикидывал – ничего не выходит. Не с идиотами дело имеем – парни свое дело туго знают. Придется работать...

...Вариант установления контакта с бандой Асланбекова, предложенный на «стрелке» Зелимханом, полковник принял с некоторыми оговорками.

Хлопцы Салаутдина, как выяснилось, частенько гуляют в одном из лучших кабаков славного города Доброводска, который «держит» их дружок – карачаевец Максуд, более известный в криминальном мире под кличкой Бек.

Выяснилось, что хлопцев довольно много, и, естественно, всей кодлой они через границу еженощно не путешествуют, дабы разговестись на российской земле, а периодически наезжают пачками: по три-пять рыл два-три раза в неделю.

Дабы исключить недоразумения, Зелимхан вручил нам припасенные им снимки семейства Асланбекова, фоторожи большинства его бойцов, а к фоторожаю – текстовое пояснение, кто есть ху.

Три дня мы потратили на изучение объектов предстоящей акции и разработку правдоподобных оснований для контакта, и еще четыре часа нам понадобились для экспроприации «товара», предназначенного для планирующейся сделки – с попутной ликвидацией владельцев этого товара, чьими «легендами» мы собирались воспользоваться.

А в пятницу вечером мы вчетвером: я, Джо, Лось и Мент – уже сидели за столиком доброводского кабака «Лотос», тихими темпами попивали водочку под хорошую закуску и внимательно изучали присутствующий в зале контингент.

Надо вам сказать, что этот контингент мне здорово не понравился с самого начала – как и процедура допуска в кабак, предшествующая нашему мирному сидению.

Едва мы вошли в фойе, откуда-то вынырнул шустрый худобан кавказского обличья, упакованный в гигантскую бархатную бабочку, цепко обшарил нас профессиональным взглядом и деловито поинтересовался:

– Откуда, братва?

– Липатовские мы, – солидно ответил я, изображая в воздухе замысловатый пасс, могущий означать все, что угодно. – Слегонца отдохнуть хотим – вот.

– Стволы есть? – спросил худобан и зачем-то покосился на дверь в подсобку, расположенную слева от входа в фойе.

– Обижаешь, начальник, – снисходительно бросил Джо. – Кто ж щас без стволов путешествует? Время тяжелое – сам понимаешь...

– Туда пройдите, – худобан указал на дверь в подсобку. – Стволы сдадите под расписку. Уходить будете – получите.

Мы изобразили вялое негодование столь странным приемом, но худобан категорично заявил:

– Или сдавайте, или до свидания. У нас такой порядок...

В подсобке наши «волыны» принял под запись гигантских размеров мужлан с волчьим взглядом, тоже кавказец, запер их в сейф, а каждому выдал номерок, присовокупив при этом:

– Пей, гуляй – все ништяк, братва. Залупаться будете – башку, на фуй, оторвем. У нас тут солидные люди отдыхают – шум не любят...

Вот такое славное заведение... «Солидные люди» были представлены сплошь кавказцами, за редким вкраплением славянских рож, настолько самоуверенных и не по возрасту расплывшихся, что хотелось немедленно хлобыстнуть по ним пятилитровой бутылкой из-под

«Абрау-Дюрсо», красовавшейся над стойкой бара в качестве наглядного пособия для выпивох.

– Тут что – русаков всех в расход повыводили? – растерянно произнес Джо, осмотревшись по сторонам. – Гля, сплошь джигиты...

И действительно, создавалось впечатление, что мы попали в кабак не в русском курортном городе, а где-нибудь неподалеку от столицы Азербайджана (я там бывал, потому и сравниваю). Кавказец на кавказце сидит и кавказцем погоняет. Мы-то ведь как полагали: сядем за столик, посмотримся и с ходу «высветим» нужную нам чеченскую компашку, которая на фоне скромных «новых русских» будет бросаться в глаза своим необузданным поведением и разухабистой гульбою. А тут... Нет, фоторожи людей Салаутдина мы запомнили хорошо – не даром столько времени потратили на их изучение. Но зал был под завязку забит физиономиями аналогичного свойства, а размеры помещения и интимное освещение делали поиски нужных товарищей невозможными.

– Ну и как ты себе это представляешь? – поинтересовался Джо после третьего тоста. – Что, будем шататься промеж столов и спрашивать всех подряд, каким боком они к банде Асланбекова?

– Давай нахрапом, – предложил Мент, заметив, что я пребываю в некотором затруднении. – Официант подойдет – наведи мосты...

А Лось ничего не предложил. Он сосредоточенно пожирал свежий балычок, сочившийся слезой, и мечтательно щурился. Наверно, представлял, как хорошо было бы после пятой-шестой рюмашки кому-нибудь из тутошней публики прострелить башку из револьвера. Чтобы крышка черепа отскочила к эстраде, а мозги – в потолок.

Последовав совету Мента, я дождался, когда подошел официант, и тихо шепнул ему на ушко:

– Слышь, паря... Чеченцы есть?

Личина официанта (тоже кавказец) моментально приобрела озабоченное выражение. Сгрузив с подноса на стол заказанные нами блюда, он сосредоточенно почесал затылок и сообщил:

– Чечен виздэ ест. Пачиму хочиш?

– Потому, – в тон ответил я. – Деловой базар есть. Хотим поболтать мирно.

– Мирно – это заибис! – ощерился официант. – Мирно можна... Какой чечен надо? Далнабойшык ест, таргаш тудым-сюдым, короче, всякий ест...

– Нам крутые нужны, – важно уточнил я. – Мы сами – крутые и базарить хотим тоже с крутыми. Крутые есть?

– А-а-абизатилно, дарагой! – Официант хитро подмигнул и пообещал: – Жды сикунд – щас будит... – и скрылся из глаз.

– «Жды сикунд», – неприязненно передразнил Джо, провожая взглядом удаляющуюся фигуру официанта и посоветовал: – Пойдешь на «стрелку», следи за базаром. Тут на «перо» поставят – пукнуть не успеешь. Эх, бля, зря стволы отдали...

– Не хорони, Санек, – с наигранным оптимизмом вымолвил я. – Все будет тип-топ. Если что – быстро мочим всех, кто под руку подвернется, и сваливаем в бешеном темпе. Следите за мной... Кстати, куда этот хмырь потопал?

Официант, продефилировав между столиками, направился к выходу – ни к одному из сидящих в зале он не подошел.

– А-ха! – возбужденно выдохнул Джо. – Стучать побежал! Есть, мол, какие-то левые, которые шибко любопытные... Может, не станем дожидаться развязки?

– Ты забыл, зачем мы здесь? – напомнил я. – Сиди, блин, где стоишь и бери пример с Лося – лопай себе. Фирма платит...

Спустя три минуты официант возвратился. Подойдя к нашему столику, он наклонился ко мне и таинственно пробубнил, неожиданно выдав своеобразный стихотворный слог:

– Двыгай за мыной, дарагой. Крутой чечен хочит базарит с тобой... Стывол у тэбэ нэт под рукой?

– Нет под рукой, нет под ногой, – доверительно шепнул официанту Джо, скорчив при этом страхолужную рожу. – И вообще он у нас не такой, он какой-то другой... Долматовский, бля!

– Как сказал? – обеспокоенно поинтересовался официант, обращаясь ко мне. – Какой, э?

– Это поэт такой – известный, – успокоил я «Долматовского». – Классный поэт – заибис! Ты просто в рифму сказал – стихотворение получилось. Он тебя похвалил – нечасто попадаются официанты с поэтическим уклоном.

– Нэ ругал, э? – уточнил официант, грозно сверкнув очами.

– Да ну что ты, что ты! – поспешил уверить я его, показывая за спиной кулак Джо. – Тут у вас ругаться – себе дороже. Моментом в клочки порвут.

– Ну, тогда ладно, – успокоился официант. – Пошли...

Мы пробрались между столиками и вышли из зала в фойе. Поднявшись на второй этаж, я обнаружил длинный коридор, по обеим сторонам которого располагалось множество дверей. Судя по шуму, доносившемуся из-за некоторых дверей, здесь в отдельных кабинетах «зависали» товарищи, не желавшие отдыхать публично.

– Ловко тут у вас все устроено, – деланно восхитился я. – Наверно, можно и с телками побарахтаться! Ась?

– Можно с тьолка, можна с корова – как хочишь, дарагой! – весело оскалился официант и, постучав в одну из дверей, таинственно шепнул мне: – Давай – чечен зыдэс...

Довольно вместительный кабинет, оборудованный не без комфорта, был превращен сегодняшними посетителями в самый настоящий бардак. Верхний свет был выключен – тускло горели настенные светильники, дополняемые сполохами цветомузыкальной установки; из невидимых стереоколонок надрывно голосил Сосо Павлиашвили; в воздухе витал устоявшийся запах крепкого мужского пота, который с ударным ароматом дамской косметики и винно-водочным перегаром создавал такое невообразимое амбре, что хотелось зажать нос и немедленно отсюда смыться.

Приглядевшись повнимательнее, я заметил, что вокруг заставленного разнообразными блюдами и напитками стола разместились трое чеченообразных мужиков и пять молодых пригожих дам – все, как на подбор, длинноногие блондинки весьма специфического облика.

– Да, тяжело у вас там, в горах, – пробормотал я себе под нос, раскланиваясь на три стороны. – Совсем, блин, одичали...

Ребята отдыхали на всю катушку. Двое были зело бородаты и обладали буйными космами – по всей видимости, с таким понятием, как «парикмахерская», вожди племени их познакомиться не удосужились.

Один бородатик, ритмично взрыкивая, целеустремленно засаживал распростертой на полу блондинке, которая, как мне показалось, пребывала в невменяемом состоянии: голова ее безжизненно стучалась об пол при каждом поступательном движении волосатой задницы чечена, а из разверстого рта раздавались звуки, более похожие на предсмертные хрипы, нежели на сладострастные возгласы.

«Нехорошо, – неодобрительно отметил я. – Ну разве можно так с женщиной? После такого секса у нее наверняка получится эпилептический припадок...»

Бородатик намба ту возлежал в просторном кресле и владел сразу тремя белобрысыми особями: две из них лизали ему уши, а третья виртуозно организовывала оральное обслу-

живание на лобковом уровне – смачные причмокивания были слышны даже на фоне надрывавшегося Сосо.

Этот экземпляр, по всей видимости, с детства страдал неизлечимой манией стяжать лавры преподобного Цезаря: помимо всего прочего, он ухитрялся засасывать из горла большой бутылки какую-то горючую жидкость, периодически тыкал вилкой в тарелки на столе, курил сигарету и в процессе всей этой занимательной процедуры ловко улучал моменты, чтобы утробно рыгать во всю пасть.

«Во какой! – от души восхитился я. – Жаль, что жопа глубоко в кресле – тебе бы еще для комплекта попукивать с интервалом в двадцать секунд – и тогда все! Тогда – в Книгу Гиннеса...»

Третий чечен разительно отличался от сотоварищей: был он гладко выбрит, подстрижен ежиком и располагался лицом ко входу, практически полностью укрывшись за фигурой пятой блондинки, оставшейся не у дел. Левую руку бритый держал под столом и настороженно смотрел на меня.

«Повезло!!!» – задорно крикнул кто-то у меня в голове. Я, не сдерживаясь, облегченно выдохнул и пошел к бритому здороваться.

Передо мной сидел старший племянник Салаутдина Асланбекова – Руслан. Три дня мы изучали фоторожи этого славного семейства, пропустив их через ксерокс и увеличив на компьютере – ошибки быть не могло.

«Повезло», – повторно отметил я и, повинаясь жесту Руслана, уселся в кресло рядом с ним. Две трети чеченцев, ошивающихся в этом мерзком заведении, могли оказаться крутыми, а половина этих крутых наверняка не имела никакого отношения к банде Асланбекова. Официант чисто случайно вывел нас на самых крутых, по его мнению.

– Наливай! – распорядился Руслан, не вынимая руку из-под стола, и, кивнув в сторону бородатиков, посоветовал: – Не обращай внимания: ребята соскучились по бабе – ненасытные...

«По-русски говорит практически без акцента, – отметил я, наливая себе в свободный фужер водки. – А это определенным образом характеризует». Я давно заметил, что, чем сановитее чеченец, тем он лучше изъясняется по-русски – видимо, подсознательная тяга к общепринятой коммуникации заставляет соответствовать желаемому статусу.

– Стволы при себе не имею, – предварил я возможные вопросы и продемонстрировал Руслану изнанку своей куртки, привстав из кресла. – Мы мирные, когда хотим деловой разговор вести...

Стукнули фужерами, выпили, закусили.

– Как звать? – поинтересовался Руслан, отослав маячившую между нами блондинку в дальний угол и укладывая что-то на пол под столом: отчетливо стукнул металл.

– Фома, – представился я с таким видом, будто при звуке этого имени собеседник должен был немедленно проникнуться к моей персоне всепоглощающим уважением.

Руслан изогнул левую бровь и пожал плечами.

– Это «погоняло», – веско добавил я. – Спроси любого в Липатове, кто такой Фома, тебе скажут...

– Я знаю, что вы из Липатова, – бросил Руслан и поморщился – приходилось слегка напрягать голосовые связки, чтобы пересилить навязчивого Сосо. – Из братвы?

– А что – есть варианты? – несколько уязвленно спросил я. – Кто еще к вам сюда залез бы?

– Ну, мало ли... – Руслан опять пожал плечами. В этот момент бородатик номер один наконец-то достиг оргазма и постарался, чтобы все присутствующие об этом узнали: он тонко вскрикнул, аки забиваемое на мясо поросенка, выбил ногами конвульсивную дробь и от избытка чувств громко испортил воздух.

В кабинете запахло мяскокомбинатом.

– Фу, животное... – с отвращением пробормотал Руслан и, внезапно раздражившись, крикнул оставшейся не у дел блондинке: – Сделай музыку потише, да! Не видишь – я с человеком разговариваю?!

Блондинка послушно метнулась к «Пионеру» и убавила громкость – Сосо обиделся и смодулировал в ре минор.

– Что за дело? – поинтересовался Руслан и, спохватившись, присовокупил: – Меня зовут Руслан, а этих... – он с сомнением посмотрел на своих соратников и махнул рукой: – А, не обязательно. Что за дело?

– У нас есть две классные тачки, – сообщил я. – Левые тачки. Потому и обращаемся к вам. А нам нужны стволы – в обмен на эти тачки. Будем работать?

– Что за тачки? – уточнил Руслан, несколько оживившись.

– «Ниссан-Патрол», – солидно произнес я. – Практически «нулевые». И практически чистые – так, самую малость...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.